

□ **А.А.Бурыкин**

Санкт-Петербург, Россия



**ДРЕВНЕЙШИЕ ТЮРКСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТУНГУСО-
МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКАХ КАК ИСТОЧНИК НОВОГО МАТЕРИАЛА
ПО АЛТАИСТИКЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ
ТЮРКОЛОГИИ**

**THE MOST ANCIENT TURKIC LOANS IN TUNGUS-MANCHU LANGUAGES
AS A SOURCE OF A NEW MATERIAL ON ALTAISTICS AND
COMPARATIVE-HISTORICAL TURKOLOGY**

Аннотация

Статья представляет предварительные результаты поисков древних внутренних заимствований в алтайских языках, конкретно – поиска таких тюркских заимствований в тунгусо-маньчжурских и монгольских языках, которые не выявляются путем сравнения материала с фактами живых тюркских языков или языков, отраженных в известных тюркских письменных памятниках. Объект исследования составляют слова, выводимые из общетюркских архетипов, и одновременно не отвечающие по внешнему облику исконно-тунгусо-маньчжурским словам (единичные фиксации или слова с нерегулярными для тунгусо-маньчжурских языков фонетическими соответствиями). Существенно, что одно и то же тюркское слово неоднократно встречается в различных формах в разных тунгусо-маньчжурских языках, и показывает от одного до 30 и более проявлений в отдельных тунгусо-маньчжурских языках и диалектах. Если говорить о семантике рассматриваемых слов, они часто представляют культурную лексику и относятся к непроизводным словам. В тех случаях, когда анализируемые слова являются производными, суффиксы по своим отражениям укладываются в известные системы фонетических соответствий тюркских языков.

Нужно обратить внимание, что среди разнообразных параллелей для тюркских слов в тунгусо-маньчжурских языках обязательно обнаруживаются такие примеры, которые соответствуют системе фонетических соответствий тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков на общеалтайском уровне. Такие примеры являются единственными и укладываются в межтунгусские фонетические корреспонденции, тем показывая отличие от древних заимствований и субстрата.

Выявленный материал увеличивает наблюдаемую временную перспективу состояния тюркских языков на 1700 лет – от времени первых тюркских письменных памятников (VIII в.н.э) до времени распада общетунгусо-маньчжурского праязыка (конец II-начало I тыс. до н.э.). Многие примеры тюркских слов, восходящих к неизвестным нам тюркским языкам, показывают формы, сходные с тюркскими языками Сибири, якутским языком и якутскими диалектами, и это существенно для дальнейшего исследования истории якутского языка.

Ключевые слова

алтайские языки, родство алтайских языков, реконструкция, тюркские языки, монгольские языки, тунгусо-маньчжурские языки, заимствования, субстрат.

Summary

The article represents preliminary results of author's searches of ancient internal loans in the Altaic languages, is concrete - search of such Turkic loans in Tungus-Manchu and Mongolian languages which do not come to light by comparison of a material with the facts of either alive contemporary Turkic languages or the languages reflected in known Turkic written documents. Object of research the words deduced from common Turkic archetypes, and simultaneously not corresponding on external shape to is primordial Tungus-Manchu words (make individual fixings or words with phonetic conformity irregular for Tungus-Manchu languages). It is essential that the same Turkic word repeatedly meets in various forms in different Tungus-Manchu languages and shows from one to 30 and more displays in separate Tungus-Manchu languages and dialects. If to speak about semantics of considered words, they often represent cultural lexicon and concern primary words without derivational suffixes. In cases when the analyzed words are derivatives, suffixes on the reflexions keep within known systems of phonetic conformity of Turkic languages.

It is necessary to pay attention that among various parallels for Turkic words in Tungus-Manchu languages such examples which correspond to system of phonetic conformity of Turkic, Mongolian and Tunguso-Manchu languages on Common Altaic level are necessarily found out. Such examples are unique and keep within inter-Tungus phonetic correspondence, to those showing difference from ancient loans and a substratum.

The revealed material increases observable time prospect of a fortune of Turkic languages on 1700 - from time of the first Turkic written monuments (VIII century a.d.) till disintegration of Common Tungus-Manchu parent language (the end of II-beginning of I thousand BC). Many examples of the Turkic words which are going back to Turkic languages unknown to us, show the forms similar to Turkic languages of Siberia, the Yakut language and the Yakut dialects, and it is essential to the further research of history of the Yakut language.

Keywords

The Altaic languages, relationship of the Altaic languages, reconstruction, Turkic languages, Mongolian languages, Tungus-Manchu languages, borrowing, substrate.

Лексические сходства тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков рассматривались в границах контрверзы «генетическое родство» в рамках реконструкции Г. Рамстедта (Ramstedt, 1957) и Н.Н.Поппе (Poppe, 1960) с позднейшими вариантами (Иллич-Свитыч, 1971; Цинциус, 1984)) или новыми реконструкциями (Старостин, 1991), А.В.Дыбо (Дыбо 1995), О.А.Мудрак (Мудрак 2009); (Starostin, Dybo, Mudrak 2003)) и «взаимные заимствования разных временных периодов с магистральным направлением заимствований из тюркских языков в монгольские, из монгольских в тунгусо-маньчжурские». Наиболее известный вариант этих взглядов, ныне получивший название «контралтаистика», признаком которого является отрицание генетического родства алтайских языков при известном, но непонятном агностицизме в отношении генезиса тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков (Дерфер, 1972; 1981), (Щербак, 1997, с. 2005)) даже при идее сепаратного их происхождения.¹ Менее известно направление, в границах которого обзереваются взаимные разновременные заимствования – тюркизмы в монгольских языках, монголизмы в тюркских языках, тунгусо-маньчжуризмы в отдельных монгольских языках, монголизмы в разных тунгусо-маньчжурских языках (Рассадин, 2007; 2008). При этом, однако, идея отсутствия генетического родства между названными языками не высказывается и переводится как позитивная гипотеза в более отдаленное прошлое. Концепция В.Котвича (Котвич, 1962), которого принято называть основоположником новой ареальной алтаистики, в которой ареальные связи занимают доминирующее положение в истории алтайских языков и привлекают к себе наибольшее внимание исследователей, сходна с этими сложившимися позднее теориями лишь внешне. Специальные исследования показывают, что В.Котвич пытался создать вполне ортодоксальную сравнительно-историческую грамматику алтайских языков, однако ошибочно посчитал тюркские языки представителями наиболее архаичного состояния из известных групп алтайских языков (Бурыкин, 2015а). Это обстоятельство впоследствии не только побудило признавать заимствованиями и следствиями тюрко-монгольских контактов большую часть общеалтайских лексических сходжений, но и косвенно повлияло на направление сравнительно-фонетических исследований. Выстраиваемая система фонетических соответствий

¹ В сложившейся ситуации самый сильный аргумент в пользу генетического родства алтайских языков – это явная невозможность обосновать сепаратное родство тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Алтайская теория давно перестала бы существовать, если бы, например, кто-то убедительно доказал родство тюркских языков с индоевропейскими, родство монгольских языков с сино-тибетскими и родственные связи тунгусо-маньчжурских языков с эскимосским языком или индейскими языками. Уже на заре алтаистики, во времена Б.Я.Владимирцова, было понятно, что подобное невозможно. Понятно это и сейчас – никто из контралтаистов вообще не занимается обоснованием альтернативного родства отдельных групп алтайских языков. Единственный метод контралтаистов – демонстрировать слова, пусть и относящиеся к базисной лексике, и указывать не то, что эти слова не являются сходными, они непохожи друг на друга. Такой метод доказывает одно – то, что сравниваемые языки являются разными, но он вовсе не свидетельствует о родственных или неродственных отношениях исследуемых языков. Санскрит и современный английский язык тоже не являются похожими, но никто не пытается исключить какой-либо из двух языков из семьи индоевропейских языков.

оказывалась похожей на результат взаимных заимствований даже у сторонников генетического родства алтайских языков: в этом отношении критика в адрес ортодоксальной алтаистики (Серебрянников, 1986; 1988) была справедливой и актуальной, однако Б.А.Серебрянников, считавший общеалтайскую реконструкцию недоработанной, никогда не выступал против самой алтайской теории (Бурыкин, Насилов, 2018).

Оценка источников противоречий в алтайской теории как теории генетического родства алтайских языков побудила обратить внимание на одну странность в контралтаистике и необоснованном скептицизме в отношении алтаистики. В обоих обозначенных здесь направлениях разысканий предметом внимания являются факты живых языков или факты известных тюркских, монгольских и т.д. языков (или отождествление и крайнее приближение реконструкции к состояниям живых языков). Вместо заведомо открытого списка языков, неизвестных письменных памятникам, архаика отдельных групп языков оказывается представленной по языкам, считающимся наиболее древними (часто по наличию письменных фиксаций) или по умозрительных реконструкциям, не имеющим другого обоснования, кроме уже вышедших из употребления представлений об общей и тюркской фонетике – таково древнее состояние тюркских языков по А.М.Щербаку (Щербак, 1970). Вследствие этого при выявлении тюрко-монгольских и монголо-тунгусских параллелей обнаруживались и сравнивались только внешне сходные, «похожие» слова, что было отмечено Б.А.Серебрянниковым как недостаток ортодоксальной алтаистики (Бурыкин, Насилов, 2018, с.8-11), но было еще большим недостатком в ареальной алтаистике, и остается таким недостатком для сравнительной морфологии. Уместно напомнить, что никто из ортодоксальных алтаистов начиная с Б.Я.Владимирцова (Владимирцов, 1911) и Н.Н.Поппе (Poppe, 1955: 36-42; 1966: 197-198 etc.) не отрицал присутствия взаимных межгрупповых заимствований в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Все признавали даже наличие внутригрупповых заимствований в отдельных группах алтайских языков (например, заимствования из тюркских языков Поволжья в чувашском языке, заимствования из маньчжурского языка в тунгусских языках Приамурья).

Логичным направлением развития алтайской теории был поиск более сложных фонетических соответствий между группами алтайских языков, нежели довольно тривиальные соответствия Г.Рамстедта и Н.Н.Поппе. Это поиск, основанный на тотальном позиционном анализе соответствий гласных – соответствий гласных в начале слова, в первом слоге, в непервых слогах и в конце слова, соответствий согласных – в начале слова, в положении между гласными, в в позиции после гласного перед согласным, в позиции после согласного перед гласным и в абсолютном конце слова. При этом внимание уделялось не только материальным качественным соответствиям фонем, но и фактам отпадения начальных и конечных согласных и выпадения гласных непервых слогов и выпадения срединных согласных – тому, что демонстрируют в разной степени «новые», по С.Е.Малову (Малов, 1952), тюркские языки, монгольские языки Внутренней Монголии, тунгусо-маньчжурские языки Приамурья и современный корейский язык в сравнении с нормами корейской орфографии. Основные результаты этой работы, полученные автором, отражены в специальных публикациях (Бурыкин 1999; 2014; 2015а; 2015б).

В свете этих результатов относительная хронология всех групп алтайских языков, учитывающая признаки сохранения архаизмов и накопления групповых инноваций, выстраивается так: 1) монгольские языки (самые архаичные); 2) тунгусо-маньчжурские языки (сохраняющие множество архаизмов по разным группам); 3) корейский язык (сходный в эволюции с южнотунгусскими языками); 4) японский язык; 5) тюркские языки – «новейшие»² в наибольшей степени подверженные изменениям, очевидно, за счет весьма вариативного енисейского субстрата и в достаточной мере вариативного самодийского субстрата, а также, возможно, ранних, еще азиатских угорско-тюркских контактов.

Согласно уточнениям в общеалтайской реконструкции, соотношение лексических единиц тюркских и монгольских языков в зависимости от структуры корня в монгольских языках в итоге сводится к трем типам:

- 1) П.-монг. *mösün* 'лед' ~ тюрк. **büz* 'лед'; п.-монг. *xonin* 'овца' ~ тюрк. **qoñ-* 'овца';
- 2) П.-монг. *dürsün* 'изображение, вид, форма, наружность. внешность' ~ тюрк. **jüz* 'лицо'; монг. *хэлбэр* 'форма, вид' ~ тюрк. *ker* 'форма' (монг. *хэв* – доказуемый тюркизм);
- 3) П.-монг. *deresün* 'камыш' ~ тюрк. **jēz*, др.-тюрк. *jiz* 'тростник' (Бурькин, 2014, с. 25-26).

Таким образом, в тюркских языках мы наблюдаем регулярную компрессию корней, имеющих соответствия в монгольских, тунгусо-маньчжурских языках и в корейском языке. Для соотношения монгольских и тюркских материалов эта компрессия укладывается в три правила:

- 1) отпадение конечного комплекса «согласный+гласный»;
- 2) тотальное выпадение первого согласного в сочетаниях согласных;
- 3) выпадение второго слога за счет падения гласного второго слога и упрощение вторичных сочетаний согласных по правилу 2.

Подобные примеры компрессии корней и слов, зафиксированных в тюркских языках и вскрываемых монгольскими параллелями, можно умножать, ср. монг. *хорхинцог* 'стручок' ~ татар. *кузақ* 'стручок' и др., сюда же попадает даже эвенк. *амсир* 'горноста́й' и як. *амсыыр* (< чукот. эмчачокалгын 'горноста́й') ~ тюрк. *as* 'горноста́й', монг. *büselegür* 'поясни́ца' ~ дагур. *бэслэ:р* 'поясни́ца' ~ тюрк. *bel* 'поясни́ца' (производность монгольского слова значения не имеет, поскольку исторический морфемный состав тюркских односложных корней был и остается в рамках ортодоксальной тюркологии неясным, а все предположения в ее же рамках – гадательными).

Последняя группа примеров показывает, что в некоторых случаях в архаическом состоянии тюркских языков гласный второго слога подвергался синкопе, после чего

² В классификации имеется в виду не абсолютное время появления или существования тех или иных языков, сопрягаемое с историческими источниками или археологическими культурами, а относительное количество древних черт, устанавливаемых при лингвистической реконструкции, и количество новых, благоприобретенных характеристик языка. Такие классификации не слишком популярны в компаративистике, но ими пользовался И.М.Дьяконов для семитохамитских языков, и Д.Вестерман для языков Западной Африки.

образовавшиеся вторичные сочетания согласных разделяли судьбу первичных сочетаний, т. е. бесследно утрачивали первый согласный.

Соответствия такого типа, вскрывающие нетривиальные закономерности преобразования фонетической структуры слова, или неизвестные ранее фонетические соответствия (для группы языков или для отдельных языков, особенно, для исчезнувших) имеют колоссальное значение для алтаистики.

Во-первых, они многократно увеличивают число выявляемых общеалтайских, в том числе монголо-тюркских, сходжений в лексике.

Во-вторых, не являясь тривиальными и ожидаемыми для заимствований, они однозначно указывают на какой-то иной, нежели ареальные связи, предполагающими относительно поздние контакты и заимствования из языков в известных состояниях, вид отношений между тюркскими и монгольскими языками. Однако при столь сложной системе фонетических соответствий, таким видом отношений между группами языков может быть только их генетическое родство.

В-третьих, как раз на фоне таких соответствий удастся неопровержимо, без остающихся сомнений, доказывать, что корреспонденции типа тюрк. *altun* ~ монг. *altan* 'золото' – корреспонденции слов с минимальным варьированием из звукового облика и с полным сохранением их фонетической структуры с тождеством количества слогов и с тождеством сочетаний согласных и почти всегда с одинаковым числом фонем представляют собой бесспорные заимствования. То же касается и слов типа монг. *цэцэг* – тюрк. *çeçäk* 'цветок', монг. *тахя* – тюрк. *taqiq* 'курица' при наличии в других группах языков форм с сочетанием согласных внутри слова. Те слова, в которых в сравнении с монгольскими или тунгусо-маньчжурскими примерами наблюдается модификация фонетического облика в соответствии с отмеченными выше тремя правилами, должны признаваться корреспонденциями на уровне общеалтайской реконструкции. Ср. монг. *цоморлог* 'шишка' (цветок хвойного дерева), нег. *чимчуктэ*, ороч., уд., нан. *чимчиктэ* 'шишка, почка растения', корейск. *та(л)к* 'курица' – слова, где не происходит выпадения плавных, являются более архаичными, нежели документированные тюркские формы, в свою очередь, те слова, которые внешне сходны с тюркскими, являются заимствованиями из тюркских языков.

Настоящая работа, начатая в ряде публикаций (Бурыкин 2003, 2015б), имеет своей целью демонстрацию потенциальных проявлений тюркских лексических единиц с теми фонемами, которые дают нетривиальные межъязыковые соответствия в отдельных тюркских языках, в лексическом фонде монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Предпосылками к ней было обсуждение возможных источников монг. *хусам* 'береза' и его возможной связи с тюрк. *qadın* 'береза' при том, что монгольское слово имеет сходство с чувашским *хурән* 'береза' при отсутствии аналогичной формы в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Один этот пример мог обещать выявление в монгольских и в тунгусо-маньчжурских языках таких форм, которые не похожи на формы живых тюркских языков или письменных памятников. Известны и другие аналогичные факты – например, происхождение ма. *айсин* 'золото', слова, похожего на известные нам слова тюркских и монгольских языков, но не имеющего точных соответствий в известных языках. Еще одно обстоятельство, побуждающее искать источники появления

уникальных и относительно редких слов в тунгусо-маньчжурских языках – это то, что из примерно 17500 вхождений, оформленных заголовочными словами словарных статей «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» (Л., 1975, 1977), лишь немногим более 1100 слов оказываются общетунгусо-маньчжурскими. При этом не более 2000 слов представляют собой доказанные заимствования из монгольских языков, якутского языка и палеоазиатских языков – нивхского, юкагирского, языков чукотско-корякской группы. Опыт учит нас тому, что «слова неизвестного происхождения» в алтайских языках – это не слова, мнимо обосновывающие самобытность лексического фонда отдельных групп алтайских языков, а такие слова, параллели для которых не могут быть обнаружены теми основаниями для анализа. Они ныне используются в традиции изучения этих языков, теми системами фонетических соответствий, которые принимаются отдельными авторами для этих языков,³ или такие слова, которые не укладываются в какие-то концепции истории или ареальных связей этих языков. Уже по этой причине использование новых приемов исследования материала обещает новые перспективы. Неоднозначность, множественность результатов общеалтайской реконструкции не является препятствием для признания достигнутых результатов: различия в вариантах алтайской реконструкции, наблюдаемые в трудах разных исследователей, не являются причиной для того, чтобы отрицать факт генетического родства алтайских языков. Такие различия могут быть выявлены, даже в представлениях об общетюркском состоянии и общетюркской реконструкции у разных авторов-тюркологов, и как понятно, не являются поводом для сомнений в факте генетического родства тюркских языков.

Как известно, тюркские языки имеют относительно небольшое число согласных, дающее нетривиальные соответствия по отдельным языкам – это интердентальный δ , согласные z и ζ , r и l (ротацизм и ламблаизм)⁴ в отдельных случаях согласные \check{s} и s , а также начальный j . Эта особенность тюркских языков позволяет обобщить корневые и аффиксальные морфемы с этими согласными (например, по древнетюркскому словарю или словарю Э.В.Севортяна) и начать поиски проявлений таких же корней и суффиксов в статусе общеалтайских лексем и в качестве заимствований из тюркских языков в монгольских и в тунгусо-маньчжурских языках.

³ В индоевропейском языкознании никого не смущает тот факт, что до настоящего времени в научном обороте находятся три разных варианта реконструкции общеиндоевропейской системы согласных: двухступенчатая оппозиция звонких и глухих (А.Н.Савченко (Савченко, 1974)), восходящая к работам А.Мейе (Мейе, 1936), трехступенчатая оппозиция звонких, глухих и звонких придыхательных (Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванов (Гамкрелидзе, Иванов, 1984), Л.Г.Герценберг (Герценберг, 2010), Г.В.Красухин (Красухин, 2004) и др.) и четырехступенчатая – противопоставление звонких-глухих и непридыхательных-придыхательных (О.Семереньи (Семереньи, 1980)). Никто из индоевропистов не видит здесь противоречий и никто не пытается на этом основании сомневаться в родстве индоевропейских языков или тем более опровергать его.

⁴ Мы не имеем в виду иллюзорный ротацизм-ламблаизм, когда тюркские z и ζ являются остатками сочетаний согласных rz , rc , lz , lc , в которых плавный утрачивался, а z и ζ являются отражением среднеязычных (Бурькин, 2005).

Подобная задача, во-первых, должна была увеличить число тюркских заимствований в тунгусо-маньчжурских и монгольских языках и разнообразить их репертуар;

во-вторых, эта задача должна была служить средством верификации самой предлагаемой общеалтайской реконструкции;

в-третьих, анализ материала при определенных условиях мог бы вскрыть характеристики тюркских языков – источников таких заимствований, указав на былые ареалы их распространения. Это отчасти было сделано в монографии А.В.Дыбо (Дыбо, 2007).

Наконец, в-четвертых, мы получили бы возможность подсчитать число и определить внешние характеристики (фонетические системы и лексический состав) тех ныне исчезнувших тюркских языков, от которых остались лишь заимствования в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках.

Примеры будут предоставлены ниже.

Тюрк. *jez* 'медь', монг. *зэс*, и его проявления в тунгусо-маньчжурских языках

Э.В. Севортьян подробно рассмотрел тюркские формы названия меди с архетипом **йэз* (Севортьян-4, 1974-2003: 168-169), согласившись с мнением, что монг. *зэс* — заимствование из тюркских языков и обратив внимание на ряд обратных заимствований этого слова тюркскими языками северо-восточного ареала, а также заимствования якут. *дьэс* 'красная медь', попавшего в эвенкийский язык, из монгольских языков.

Варианты названия меди п.-мо. *jes, jis, jed*, (калм. *зес*) не привлекали особого внимания специалистов, хотя они и соотносятся с тюркском названием меди *jez*, и, также, очевидно, представляют собой заимствования из тюркских языков. В то же время они весьма интересны и значимы для общей группировки названия меди в алтайских языках. Проблема заключается в том, какой архетип могло иметь тюркское название этого металла, и сколько примеров среди разнообразных названий меди можно выявить в современных тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Колебания *z ~ δ* в ауслaute монгольских слов не позволяют однозначно сделать заключение о том, что в конце этого слова был согласный *z*, и заставляют думать о том, что в этой позиции мог находиться интердентальный *δ*.

Один из вариантов названия меди в тунгусо-маньчжурских языках, ускользающий от внимания исследователей – это уд. *тэуси* '1) медь, латунь; 2) бронза'; *тэусимэ* '1) медный, латунный; 2) бронзовый'; орок. *тэвус, тэвуси* 'медь; медный'; нан. *тэусае* 'медь', ма. *тэјсун ~ тэјшун* 'медь (жёлтая, из смеси красной меди и свинца)' (ССТМЯ-2, 1977: 242). Данный пример сам по себе чрезвычайно интересен. Во-первых, при явной выводимости его из тюркского *jez*, где начальное *m*- всего лишь глухой коррелят звонкого *д*-, фигурирующее среди рефлексов инициального *й*- в тюркских языках по реконструкции Б.А. Серебренникова (Серебренников, Гаджиева, 1986; Сравнительная грамматика, 1984), (такие рефлексy его есть в якутском, ср. *тыал* 'ветер'). Во-вторых, маньчжурские примеры имеют в ауслaute комплекс *-ин*, присутствующий в других обозначениях меди, которые также не являются исконными в тунгусо-маньчжурских языках. Однако данный пример является как бы промежуточным между формой *jez*, ставшей для нас временной точкой отсчета, и иными формами, представляющими далеко зашедшие стадии

эволюции начальных и срединных согласных в тюркских языках по их отражениям в заимствованиях в другие языки.

Самый интересный из интересующих нас примеров – эвенк. *гэгин* ‘медь’, эвен. *геуан* (*г’е’хан*) ‘медь (жёлтая)’, нег. *гуин* ‘медь’, ороц. *гэу(н-)* ‘медь’, ульч. *гёу(н-)* ‘медь; бронза’; *гёума* ‘медный’, орок. *гёу(н-)* ‘медь’; *гёума* ‘медный’, нан. *гио(н)* (*гива(н)*) ‘медь; латунь, бронза’, ма. *г’ован* ‘медь (красная)’ (ССТМЯ-1, 1975: 177).

Для этого слова авторы, позже писавшие о названиях металлов в алтайских языках, не выявили никаких аналогий. В то же время в этой форме севернотунгусские примеры, более архаичные, чем южнотунгусские, указывают на интервокальное -ү-, которое может восходить к *z* и представлять собой аналог изменений *z>ү* как параллель для изменений *s>h*. Главное, то же можно видеть и в начальном согласном при стадиях эволюции *j>ǰ>ү* — последнее звено этой цепочки мы видели в необъяснимом соответствии слов монг. *ǰida* ~ тунг.- ма. *гида* ‘копье’.

В качестве одной из стадий или вариантов изменений слова-названия меди в тюркских и тунгусо-маньчжурских языках надо привести и рассмотреть также эвенк. *чучин*, *чучун* ‘медь’, эвен. *чучурми* ‘медь (жёлтая)’ (ССТМЯ-2, 1977: 418). Эта форма, хотя источники ее в ССТМЯ не указаны, явно восходит к тюркским языкам, ср. др.-тюрк. *содин* ‘медь’ (ДТС, 1969: 151). Аргументы в пользу гомогенности этого слова с *jez* и его рефлексами его праформы или его аналогами таковы: начальное ч- входит в состав рефлексов общетюркского **j-* (ср. тувинский язык); интердентальный *ǰ* усматривается в эквивалентах монгольской формы **ǰez* в монгольских же языках, Интердентальный *ǰ* отражается как ч в целом и весьма объемном ряде тюркизмов, зафиксированных в маньчжурском и «чжурчжэньском» (хронологически ранняя форма маньчжурского языка, документированная другим видом письма) языках (ср. ма. *хучин* ‘колодец’ (<*quiduq*), *гэчулэхэ* ‘одежда’ (ср. *kedgü*) и т.п., а формы с конечным *-in* нам уже знакомы по маньчж. *тэйшун* и будут рассматриваться ниже.

Известны еще два названия меди в тунгусо-маньчжурских языках, включенные в одну статью ССТМЯ, одно из которых имеет точную монгольскую параллель: эвенк. *чйриктэ* ‘медь (красная)’, эвен. *чйрит* ‘медь (красная)’, нег. *чиктэ* < *чйриктэ* ‘медь (красная); бронза’, ороц. *чйктэ* < **чйриктэ*) ‘медь (красная)’; уд. *чикто* ‘медь, латунь’, ульч. *чйриктэ* ‘1) медь (красная); латунь; 2) бронза’; *чирумэ* ‘1) медный, латунный; 2) бронзовый’, орок. *чйриктэ* ‘бронза’, нан. *чйриктэ* ‘бронза’; ма. *сирин* ‘медь’; *сирин моро* ‘медная чашка’; *сирин сајфи* ‘медная ложка’, чж. *сиh-ли* ‘медь’, п.-мо. *сирин* ‘бронза, медь’ (ССТМЯ-2, 1977: 399), не имеющее отсылок к другим статьям этого словаря и не имеющее указаний на параллели в других языках.

Соотношение – фактическое тождество ма. *сирин* ‘медь’ и монг. *сирин* ‘бронза, медь’, при системном сходстве этих форм с известными формами *jez*, *зэс*, – *с-* как один из рефлексов общетюркского **j-* в якутском языке и *r*, корреспондирующее с *z* как проявление ротацизма в классических алтаистических построениях, дает нам еще одно указание на то, что в ауслауте названия меди должно было находиться конечное *in*. Пожалуй, здесь самое главное – этот пример указывает на то, что если в тюркских языках и была возможность перехода *z* или *ǰ* в сонант *r*, то такое изменение могло иметь место при единственном условии: оглушении начальных согласных, и, соответственно,

вторичности всяких проявлений оглушения от тотального наличия глухих в инициальной позиции до инновационных озвончений. Аналогом этих изменений является чередование начальных согласных *m//p* (аналогия изменению **δ* > *p* в чувашском) и *m'//pʰ* в нивхском языке и, что менее известно, тотальная замена указанных согласных их щелевыми коррелятами *p, pʰ* в интервокальном положении, на чем основывается предложенная нами пранивхская реконструкция (Бурькин, 1986). В нивхском языке, в котором в начале слова оппозиция звонких и глухих заменена оппозицией непридыхательных-придыхательных согласных или попросту утрачена там, где соответствия непридыхательных нивхских согласных звонким согласным тунгусо-маньчжурских языков не отмечаются. Это как раз указывает на фактор, определяющий данные изменения переднеязычных и среднеязычных спирантов или сопутствующий им, сопряженный с ними.

Сказанное означает, что архетип для ма. *сирин* и монг. *sirin* должен восстанавливаться как **siδin*, и это сближает его одновременно и с формой *codin*, известной в тюркских языках, и с формой *jez*, особенно с ее филиациями, указывающими на ауслаутный *δ*.

В итоге для названия меди в алтайских языках восстанавливается такая система праформ, каждая из которых, как следует думать, должна соответствовать определенному пратюркскому диалекту:

1. * *δ(i)δin* > *siδin* > *cirin* ~ *сирин* / *sirin* ~ *чирин-кэ*
2. * *δ(o)δin* > *codin* > *чучин*
3. * *δ(e)δin* > *dez(in)* > *тэуси* ~ *тэйшун*
4. * *δ(e)δin* > *dez(in)* > *jez* ~ *зэс*
5. * *δ(e)δin* > *dezin* > *дедин* > *гэгин*.

Для чего нужны нам эти примеры в их совокупности?

Во-первых, они показывают, что ротацирующие формы (с *-r-* на месте интердентального *-δ*) могли быть заимствованы конкретно из тюркских языков и только после оглушения начальных согласных в тюркских языках – в другой хронологии изменений для «ротацизма» отсутствуют условия.

Во-вторых, условиями для ротацизма, помимо преобразования оппозиции шумных и устранения звонкости-глухости является, во-первых, конвергенция *δ* и *z*, во-вторых, подобное изменение, учитывая факты нивхского языка как типологический аналог ротацизма, возможно только в интервокальном положении, но никак не в ауслауте.

В-третьих, становится понятным, что единственным критерием трактовки монгольского *зэс* 'медь' как тюркизма, то есть проникновения его в монгольские языки из общетюркского лексического фонда, из общетюркского праязыка, претерпевшего ряд идентифицирующих его изменений, остается отсутствие ауслаутного комплекса *in/-in*.

Монг. *sirin* и ма. *сирин* 'бронза' медь' заимствованы из какого-то пратюркского диалекта, еще сохранявшего общеалтайские ауслаутные комплексы гласный+согласный – именно поэтому в нем и мог иметь место «ротацизм». Конвергенция начальных *δ, j, n, n', l > j*, знакомая алтаистам, могла иметь место только до момента оглушения начальных

согласных или в ином диалектном континууме, где «ротацизма» быть вообще не могло – он был возможным, как оказалось, только в условиях оглушенности начальных шумных.

Нельзя исключать того, что монг. *зэс* восходит к тому состоянию тюркских языков, когда в них еще не было тотального изменения начальных согласных с конвергенцией их в общетюркский **j-*, но уже исчезли ауслатные комплексы гласный + согласный.

Форма *ṣodīn* восходит к такому пратюркскому диалекту, в котором «ротацизма» не было, и в котором в поздних состояниях интердентальный *ḍ* дал *-č-* – рефлекс, неизвестный ни по живым тюркским языкам, ни по письменным памятникам на тюркских языках, но известный по тюркским заимствованиям в маньчжурском языке (ср. ма. *хучин* ‘колодец’, *гэчулэхэ* ‘одежда’ и т.п.) – следствием чего является форма *чучин* ‘медь’.

Формы *тэйшун* ~ *тэусин* происходят из такого пратюркского диалекта, в котором либо имело место изменение *ч > т*, либо, что менее вероятно, *ǰ > j > d > t* – второе и третье звено этой цепочки характеризует судьбу общетюркского *j* – в алтайском (ойротском) языке, а конечное – в отдельных примерах из якутского.

Загадочные до поры до времени формы *гэгин* ‘медь’ выводимы из формы с начальным и срединным *ǰ* – среднеязычной аффрикатой или спирантом *z*, соотносящимся с иными формами названия для меди в пратюркских или архаических тюркских диалектах. Важно, что данные формы, также по-своему документирующие факты тюркских языков, по существу элиминируются из обсуждения эволюции форм с оглушенными согласными (иначе мы имели бы в тунг.-маньчж. примерах не *г-*, а *х-* или *к-*, особенно в инлауте), и соответственно – форм с ротацизмом. Форма *гэгин* пополняет нашу коллекцию пратюркских диалектов, сохранявших ауслатное *-in* в названиях меди и обладающих такими свойствами, какие не встречаются в современных тюркских языках.

Исходя из сказанного, пратюркским архетипом названия меди оказывается **ḍedīn* ~ **ḍidīn*, ~ **ḍodīn* – тогда источником всех приведенных выше пратюркских диалектных названий меди может быть китайское *qing¹tong²* (*цзин¹тун²*) ‘бронза’. В этом случае перед нами окажется пример эволюции китайского двусложного слова – биннома (ср. кит. *tong²* ‘медь’) за счет изменений, ожидаемых для общетюркского (выпадение преконсонантного согласного в данном случае, исключающего даже иллюзорный «ротацизм», и отпадение ауслатного комплекса *-in*) образуется тюркский односложный корень, вида CVC. Этот корень еще недавно считался эталонным для тюркских языков в общетюркском состоянии. Аналогичные структурные изменения корня предполагаются для слова *bez* «название ткани» (Севортян-2, 1974-2003: 102-103). Все предлагавшиеся этимологии, учтенные и неучтенные Э.В.Севортяном, не учитывали возможности изменения внешнего облика лексемы, однако в маньчжурском языке сохраняются ее архаические формы: ср. ма. *вэнчэо* ‘ткань из шелковой и льняной нитей’ < кит. *вэнь¹чоу²* (ССТМЯ-1, 1975: 132), ороц. *генчу* ‘название шелковой ткани’, уд. *геанчу* ‘чесуча’, ма. *г’анчу*, *г’анчэо* ‘шелковая ткань’ (ССТМЯ-1, 1975: 146). Ср. также тюрк. *boṣ* ‘свободный’ (Севортян 2: 203-205) и ма. *байсин* ‘свободный (от повинности службы, занятий)’ при кит. *бай²жэнь²* ‘человек без должности’ (ССТМЯ-1, 1975: 66); социальные значения слова *boṣ* «свободный, незанятый, благородный» являются архаическими (Севортян-2, 1974-2003: 204). Таким образом, в этимологическом изучении тюркских односложных корней просматривается

новое направление, позволяющее выводить их из китайских биномов при соответствии в семантике.

Тюрк. *адӱ* ‘медведь’ и его тунгусо-маньчжурские эквиваленты и поздние проявления

Э.В.Севортян, обобщив формы названий медведя в тюркских языках, происходящие от одной лексемы, сохраняющее это же значение, полагал, что это название является исторически эвфемизмом и связано с пожилым возрастом (Севортян-1, 1974: 112-113: статья *айы*).

Кроме потенциальных заимствований названия медведя, о которых пойдет речь ниже, укажем сначала на примеры – основания для общеалтайской реконструкции данной лексемы, ср. нег. *гойзима*, ороч. *гоизима*, *гоизима мапа* ‘медведь тибетский’, уд. *гуаизима* ‘медведь (гималайский или тибетский)’, нан. *гойзима*, *гойзики* ‘медведь гималайский’ (ССТМЯ-1, 1975: 158). Присутствие начального *г-* в тунгусо-маньчжурских словах пока труднообъяснимо, но сохранение преконсонантного *-й-* в тунгусо-маньчжурских примерах указывает на то, что они документируют самую архаичную форму слова, сопоставляемую с тюркскими лексемами. Любопытно, что в эвенском языке встретилось иноказательное название медведя *агди* («гром») (ССТМЯ-1, 1975: 12), по форме точно отвечающее варианту предполагаемого пратюркского архетипа данной лексемы.

В тунгусо-маньчжурских языках встречаются и другие формы, возводимые к тюркскому **адӱ* ‘медведь’:

эвенк. баргузинск. *уксукэ* ‘медведь’ (ССТМЯ-2, 1977: 254);

эвенк. диал. *учикан* ‘медведь’ (ССТМЯ-2, 1977: 297);

ма. *удувэн* ‘медведь-муравьед’ (ССТМЯ-2, 1977: 248).

Встречаются также формы с начальным заднеязычным:

эвенк. диал. зап. *кути* ‘медведь’ (ССТМЯ-1, 1975: 440);

эвенк. диал. зап. *корко* ‘медведь’ (ССТМЯ-1, 1975: 415).

Приведенные формы показывают некоторые вариации огласовки, что не удивительно при наличии тунгусо-маньчжурских форм с начальным *го-*, корреспонденции интердентального *-д-* укладываются в знакомые нам рефлексы интердентального *-д-* в известных тюркских языках; формы с начальным *к-*, пока необъяснимым в ряде примеров (ср. алт. *кажык* ‘лодыжка’), в выбранном материале также присутствуют. Показательно, что эвенкийская диалектная форма *корко* ‘медведь’⁵, которая должна быть аналогична по рефлексу интердентального чувашской форме, (однако в чувашском исконное тюркские название медведя, похоже, утрачено) – но она присутствует в той же диалектной группе, где название соли имеет форму *турукэ*, а название языка – *чолу:*, а это явные болгаризмы. В данной группе примеров, как и во многих других случаях, мы не находим морфологически осложненных форм тюркских слов или слов с неясной

⁵ Проф. Юха Янхунен (Хельсинки) указал нам, что эта форма может быть заимствованием из селькупского языка.

морфологической структурой, нет в этом материале и существенных семантических расхождений.

Монг. *adaγ* ‘губач, медведь южноазиатский’ – определено заимствование из тюркских языков: в нем, в отличие от тунгусо-маньчжурских форм, нет преконсонантного *-й-* или какого-либо другого согласного. Калм. *айу* ‘медведь’ – заимствование из тюркских языков огузского или кыпчакского типа ногайского.

Тюрк. *йүвсё* ‘наперсток’, *jüzük* ‘кольцо’ и их проявления в тунгусо-маньчжурских языках

Данный пример привлекает наше внимание не только разнообразием выявленных потенциальных эквивалентов, но и тем, что перед нами одно из немногих явно производных слов, потенциально заимствованных из тюркских языков. Параллели к форманту *-zuq/-zük* а именно тунг-ма. *-птун*, *-тинг*, монг. *-bci*, называющего предметы, надевающиеся на другой объект или покрывающие его, охарактеризованы нами в специальной работе (Бурыкин, 2000). Тюркские формы обобщены в словаре Э.В.Севортяна: *йүвсё* ‘наперсток’ (Севортян-4, 1974-2003: 257-258).⁶

Рассмотрим тунгусо-маньчжурские примеры:

эвенк. *гилди* ‘кольцо’ (ССТМЯ-1, 1975: 150);

эвенк. *голди* ‘кольцо’, *голдика* ‘водоворот’ (ССТМЯ-1, 1975: 159);

нег. *эгди* ‘кольцо’, ‘обруч’ (ССТМЯ-2, 1977: 437);

эвенк. *горги* ‘пряжка у подпруги’, сол. *гурги* ‘пряжка пояса’, уд. *гуаги* ‘пряжка ремня’, ма. *горги* ‘пряжка подпруги’, *гурги* ‘пряжка пояса’, мо. *gorki* ‘пряжка’, кор. *кори* ‘кольцо’, ‘звено’ (ССТМЯ-1, 1975: 161), но кор. *карак* палец – *каракчи* кольцо;

нан. *гучфу* ‘кольцо, перстень’, ма. *гуйфун* ‘кольцо из золота, серебра, нефрита’ (ССТМЯ 1: 176);

эвенк. сев.-байк. *гэптин* ‘наперсток’ (ССТМЯ-1, 1975: 180);

нан. диал. *кэээчи* ‘кольцо’ (ССТМЯ-1, 1975: 443);

ма. *чосхо* ‘кольцо на конце черенка ножа и др.’ (ССТМЯ-2, 1977: 409);

нан. диал. *соноко* ‘наперсток’ (ССТМЯ-2, 1977: 111);

ма. *сорко* ‘наперсток’ (ССТМЯ-2, 1977: 113);

нан. *дурзи* ‘браслет, надевавшийся во время борьбы из-за мести’ (ССТМЯ-1, 1975: 255);

В таких формах, как *гилди*, *голди*, *эгди* и *кэээчи* форма суффикса близка к той, что мы наблюдаем в монгольском (*-bci*), хотя и с разнообразными преобразованиями. В формах *гэптин* и *гучфу* ~ *гуйфун* сохраняется тот вид суффикса, который знаком нам по тунгусо-маньчжурским материалам, однако основа слова на тунгусо-маньчжурской почве неясна, а тюркские формы с начальным *й-*, который согласно общеалтайской реконструкции, может восходить к разным согласным, в решении проблемы помочь не могут. Формы

⁶ В рамках нашей системы чувашская форма – монголизм.

гилди, голди, горги, похожи на формы с ротацизмом и похожими преобразованиями, отмечающимися в дагурском языке (Тодаева 1986).

Формы *чосхо, сорко* и, очевидно, *соноко* показывают нам преобразования ауслатной структуры слова -VC> CV со сдвигом ауслатного согласного внутрь слова. Ауслатные согласные в этих словах соответствуют рефлексам общетюркского *j*- в тувинском и якутском языках соответственно. Обособленно стоит форма *дурзи*, где на месте согласного -z-, интересующего нас в аспекте диахронико-фонологической механики и истории ротацизма, находится сочетание -pz-, а начальная часть слова сходна с начальной частью слова «стремя» (монг. *dörüge*) Поскольку плавный в преконсонантной позиции во всех других словах данного семейства отсутствует, остается признать, что он в форме *дурзи* оказывается продуктом ротацизма типа того, что наблюдается в дагурском языке в преконсонантной позиции, где почти любой согласный в данной позиции переходит в *p*-.

Примечательно, что 11 различающихся по форме слов со значением «кольцо», восходящие при этом по фонетическим особенностям как минимум к восьми разным языкам, присутствуют во всех ареалах распространения тунгусо-маньчжурских языков. Дисперсия суффикса -*m*-ма.-**птун* ~ мо. *-*bci* ~ тюрк. **zuq//zük* укладывается в соответствии монгольских и тюркских, но не тунгусо-маньчжурских языков, как и разброс рефлексов начального согласного, похожий на известные нам отражения тюркского начального **j*- по отдельным языкам.

Тюрк. *jiz* 'тростник', его общеалтайские эквиваленты и позднейшие проявления

Предполагается, что эквивалентами тюркской лексемы *jiz* 'тростник', среди которых должна присутствовать и не установленная лексема, которая должна была принадлежать к общетунгусо-маньчжурскому праязыку, являются следующие примеры:

ма. *гурби, гурбин* 'тростник' (ССТМЯ-1, 1975: 173);

нег. *дэжкэн* 'тальник, из прутьев которого плели канаты', ульч. *дэжэ(н)* 'канат-основание невода' (ССТМЯ-1, 1975: 231);

ульч., орок *дэксун*, 'куст, кустарник', нан. *дэ*: 'куст, кустарник' (ССТМЯ-1, 1975: 231), ср. также нивх. *нгыкс*, вост-сах. диал. нгағзырш 'куст';

сол. *дересун* 'рогожка', ма. *дарасу, дэрсу, дэрэсу* 'ковыль, из которого плетут шляпы', *дэрги* 'рогожка', монг. *deresün* 'ковыль' (ССТМЯ-1, 1975: 249);

ма. *занчухун* 'сладкий', *занчухунзэ* 'сахарный тростник' (ССТМЯ-1, 1975: 173);

нег. *зисиктэ* 'тальник', 'прут', ма. *зисиха* 'орешник', монг. *zegesün* 'тростник', монг. *gegesün, sigesün* 'тростник', 'камыш', мо. *зэгс(эн)* (ССТМЯ-1, 1975: 260);

ма. *окзиха* 'тростник (ароматический, из которого плетут рогожки)' (ССТМЯ 2: 9),

нег. *тита* 'береста', 'циновка', нан. *чи:та* 'циновка' (ССТМЯ-2, 1977: 189 *тита* 'береста').

Все приведенные слова обозначают материал для плетения или плетеные изделия, что не дает оснований сомневаться в их семантическом тождестве.

Судя по всему, такие формы, как нег. *дэжкэн* 'тальник, из прутьев которого плели канаты', ульч. *дэжэ(н)* 'канат-основание невода', для которых реконструируется архетип **дэжкэн*

(оба языка – негидальский и ульчский – теряют преконсонантное *p*), являются основанием для реконструкции корня на общеалтайском уровне. Форма *дэксун* – с суффиксом монгольского типа вместо тунгусского *-кта/-кса* – указывает на заимствование слова из монгольских языков или языка, похожего на монгольские. Следы падения преконсонантного плавного хорошо видны по нивхским примерам, где ауслатное – *кс* восходит к **ркс*, иначе заднеязычный согласный неизбежно подвергся бы спондизации.

Разброс начальных согласных в этих примерах, также рассматриваемых как старые тюркские заимствования в тунгусо-маньчжурских языках, не выходит за пределы рефлексов тюркского анлаутного *j*-. Следы преконсонантного *p*-, сместившегося в эту позицию из позиции между гласными, видны в примерах *гурби*, *занчухун*, возможно, *дэксун*. В примере *тита* начальный *й*- изменился в *т*-, как в некоторых якутских примерах (*туох* что, *тыал* ветер), а ожидаемый рефлекс для *-з*- совпадает с рефлексом интердентального *-т*- в якутском языке.

Тюрк. *jüz* лицо, поиски его общеалтайской параллели и рефлексы заимствований из разных тюркских языков

Данный пример давно привлекает внимание алтаистов тем, что в общеалтайской праформе, как предполагается многими алтаистами, имеется плавный *-r*-, в монгольской форме – сочетание согласных на потенциальном морфемном стыке, в тюркском слове – ауслатный *z*.⁷

Потенциальные тунгусо-маньчжурские эквиваленты этого слова для тюркской формы *jüz* представлены следующими примерами:

эвенк. *дурун* ‘узор, вышивка’, сол. *дуру(н)* ‘вид, форма’, нег. *дуйун* ‘вид, образ, изображение, рисунок’, ороч., уд., ульч., орок., нан. *ду:н* ‘внешний вид, образ, облик’, ма. *дурун* ‘образец, модель’, письм.-монг. *duri* ‘образ, облик, вид, фигура’ (ССТМЯ-1, 1975: 225-226);

эвенк. *дэ:p* ‘поверхность’, *дэ:рэ* ‘лицо. ‘морда’, сол. *дэрэл* ‘лицо’, эвен. *дэ:рэ:* ‘лицо, нег. *дэгэл* ‘лицо’, ороч. *дэ:* ‘лицо’, уд. *дэ:гди* ‘лицо’, ульч., орок., нан. *дэрэ* ‘лицо’, ма. *дэрэ* ‘лицо’, *дэрэнту* ‘портрет’ (ССТМЯ-1, 1975: 236);

нег. *зэхсэ*, нан. *зэсэ* ‘голова медведя’ (ССТМЯ-1, 1975: 283);

эвенк. *чу:ки:* ‘череп медведя’ (ССТМЯ-2, 1977: 411);

ма. *зонгин* ‘лоб, чело’ (ССТМЯ-1, 1975: 264).

⁷ Здесь важно, что исследователи далеко не всегда задумывались, какой элемент какому именно элементу соответствует в сравниваемых словах в их линейной структуре. Здесь возможны два решения, *-к*- соответствует изменившемуся *-p*-, или *-к*- соответствует начальному элементу суффикса при выпадении согласного *к*, относящегося к суффиксу. Аналогично в соответствии *dürsün* – *jüz* есть выбор из нескольких решений – соответствие *p//z* «ротацизм-зетацизм», соответствие сочетания *-rs-* согласному *-z-* и соответствие *s//z* при выпавшем *-r-*: мы склоняемся к последней трактовке эффекта «ротацизма / ламбдаизма» в подобных случаях, поскольку иное невозможно с точки зрения исторической фонологии тюркских языков, чему мы планируем посвятить отдельную работу.

Странно, что в тунгусо-маньчжурском материале имеются сразу два примера, которые могут служить основанием для общеалтайской реконструкции данного обозначения лица – *дурун* и *дэ:рэ*, первая форма оказывается предпочтительнее несмотря на то, что она менее известна в литературе, чем вторая – *дэ:рэ*. Вариации начального согласного *з ~ ч*, являющегося рефлексом общетюркского *й*, укладываются в известные факты, согласный второго слога, восходящий к *-z-*, спирантизовался, как это имеет место с рефлексамии согласных *z* и *ʃ* в якутском языке. Показательно наличие ауслатного комплекса *-ин* в последнем маньчжурском примере – это примета прототюркских лексем, принявших тюркские черты, выделившие их из среды форм других алтайских языков, но еще не приблизившихся к знакомому нам общетюркскому облику (см. выше двусложные названия меди в сравнении с односложным *jez*)

Нам удастся найти еще некоторое количество примеров, где на месте согласных *с* и *ч* мы находим *к*, как в начале слова, так и в интервокальном положении. Все примеры, приведенные ниже, не принадлежат к общетунгусо-маньчжурскому лексическому фонду и с определенностью могут быть признаны заимствованиями.

Ср. ма. *каксаха* 'сорока' (ССТМЯ-1, 1975: 363) – *саксаха* монг. *sagajigai* 'сорока' (ССТМЯ-2, 1977: 54).

Нег. *койахи* 'кость плечевая птицы' (ССТМЯ-1, 1975: 404) – тюрк. *söngük*, казах. *сүйек* 'кость'.

Нан. *кэку:кэ*: 'цветок, побег ивы' (ССТМЯ-1, 1975: 445) – монг. *цэцэг*, тюрк. *čeček* 'цветок'. Монгольское слово – явный, доказуемый тюркизм, для которого восстанавливается более древняя форма с сочетанием согласных: ср. *чимчуктэ* 'шишка лиственницы, ели' (ССТМЯ-2, 1977: 395), также монг. *цоморлог* 'почка, бутон'; неясно, к чему может относиться монг. *шогшгой* 'шишка дерева'.

Эвенк. *кэкэчэк* 'копчик' (ССТМЯ-1, 1975: 445). Ср. монг. *кудурга*, тюрк. *qudučaq* 'крестец'. Эвенкийское слово заимствовано из языка с заднеязычным *к* на месте интердентального *δ*. Похожие изменения ср. монг. *хусам* 'береза' при тюрк. *qabīn* 'береза' – монгольское слово происходит из тюркского языка, в котором интердентальный *δ* перешел в *s*, (хотя такой язык ныне неизвестен ни по данным живых языков и диалектов, ни по памятникам). Данное состояние предшествовало тому, где произошел переход *с>х* внутри слова независимо от происхождения этих согласных, были ли они исконными или вторичными.

Нан. *хургэ* 'табун', ма. *хургэн* 'запряжка скота под один плуг, стадо' (ССТМЯ-1, 1975: 478). Ср. монг. *сүрэг* 'стадо', тюрк. *sürgü* 'стадо, табун' (ДТС, 1969: 550). Монгольское слово, скорее всего, заимствовано из тюркских языков. Т.-ма. формы, возможно, заимствованы из бурят. *һүрэг* < *сурэг*. К языку с изменением начального *с*- восходит казахское *қора мал* 'скот'.

Эвенк. и др. *кали* 'карась' (ССТМЯ-1, 1975: 366) – монг. *салбарс* 'сазан'

Нан. *хондо* 'бобы соевые' (ССТМЯ-1, 1975: 470), ср. монг. *шош* 'боб, бобы'

Ороч. и др. *хора(н)* 'лицо' (ССТМЯ-1, 1975: 471) – п.-мо. *čirai* 'лицо'

Сол. *хорил* 'труба дымовая' (ССТМЯ-1, 1975: 471) – монг. *цорго* 'труба'

Ороч. *хэдэ* 'непогода' (ССТМЯ-1, 1975: 480), монг. *zada* 'ненастье', бур. *зада* 'ненастье'; др.-тюрк. *jadci* 'волшебник, заклинатель' (ДТС, 1969: 222), якут. *сама* (Пекарский 1938: 2122) 'камень, обладающий силой вызывать непогоду'.

Ма. *хэрэ*- 'процеживать' (ССТМЯ-1, 1975: 482) – монг. *шүүх* 'цедить'. Ср. тат. *сөз*-, казах. *сүз*- 'цедить', тур. *süzme* 'процеживать', нивх. *ғездь*, *ғезуд* 'цедить'. Маньчжурская форма заимствована из языка, в котором наблюдался ротацизм, тюркская – из языка, в котором -з- изменился до заднеязычного и вторичной долготы гласного. Монг. *гоож*- 'струиться процеживаться', *гожгонох* 'течь тонкой струей', *гожгодох* 'бить тонкой струей' – возможно, отдельная лексема, но не исключено заимствование из тюркского языка с сохранившимся з и изменившимся анлаутным согласным. Пример ма. *хэрэ*- 'цедить' ясно показывает, что общетюркская реконструкция глаголов с финальным неприкрытым -з- и -ш- в свете новых фактов несостоятельна: такие глаголы в более древнем состоянии тюркских языков оканчивались на гласный. Такие примеры содержат важные детали относительной хронологии изменений согласных в пратюркском языке и его диалектах.

Аналогичные примеры тунгусо-маньчжурских слов с начальным х- имеют тюркские соответствия, не имея при этом монгольских:

Орок. *халчи* 'болото' (ССТМЯ-1, 1975: 461), ср. уд. *салаһа* 'болото (лесное)' (ССТМЯ-2, 1977: 57) **салча* – тюрк. *са:з* 'болото' (Севортян-7, 1974-2003: 155 и сл.). Сюда же, видимо, относится и эвенк. *йаку* 'болото' (ССТМЯ-1, 1975: 339), происходящее из языка, в котором начальный с- оказался на грани утраты, а интервокальный -з- изменился в -к-, и эвенк. *н'арут* 'озеро' (ССТМЯ-1, 1975: 636) – из языка, в котором с- оказалось на грани отпадения, -з- изменился в -р-, но еще не отпали ауслатные комплексы. Из языка, в котором -з- перешел в заднеязычный, но начальный с- не отпал, а изменился в т-, заимствовано эвенк. *тагин* 'лужа, болото' (ССТМЯ-2, 1977: 151). Ср. нивх. *чатъф* 'болото', не имеющее близких по форме параллелей ни в тунгусо-маньчжурских, ни в монгольских языках, но совпадающее по форме и семантике с тюркским *са:з* 'болото'.

Сол. *хэсэ* 'указ' (< ма.), нег. и др. *хэсэ* 'слово, речь, язык' (ССТМЯ-1, 1975: 483) – тюрк. *söz* 'слово, речь' (Севортян-7, 1974-2003: 338-339). Э.В. Севортян делает очень важное примечание к этой форме: «А.М. Щербак (Щербак, 1970: 196) восстанавливает праформу *сõ:c*, что по як. *өс* и турк(м). *сөз* едва ли правомерно» (Севортян-7, 1974-2003: 338), отмечая там же возможность форм с долгим или полудолгим гласным. Показательно, что в этом конкретном случае при кратком гласном в тюркском слове ротацерирующие формы не лежат на поверхности (см. выше *хэрэ*- 'цедить'). Однако к этому же тюркскому слову восходит, очевидно, эвенк. *ту:рэ:н*, эвен. *тө:рэ:н* слово, речь, язык (также нег. и ороч.), *турэ:н*- 'говорить' (ССТМЯ-2, 1977: 222) – с ротацизмом (*з>р*) и переходом начального *с>т*, не составляющем экзотики и не единичном (ср. *тагин* 'болото'). Данная пара примеров показывает, что ротацизм в тех тюркских диалектах, где он имел место, не связан с долготой предшествующего гласного, а имеет принципиально другие причины и условия реализации.

Нег. *хулдан* 'гадюка' (ССТМЯ-1, 1975: 476) – тюрк. *йилан* 'змея' ср. также эвенк. *салама* 'змея', нег. *сулама* 'змея' (ССТМЯ 2: 57);

нег. *хупэн* 'нитки' (ССТМЯ-1, 1975: 478) — др.-тюрк. *jīr* 'нить, тесьма, веревка' (ДТС, 1969: 267), тат. *жеп*, казах. *жіп*. Заимствование из языка, близкого по типу к языку долган, где начальное с изменилось в *h*;

эвенк. *гуран* 'низина' (ССТМЯ-1, 1975: 173) – чуваш. *шурлăх* 'болото'.

Ср. также. ма. *х'анчила*- 'собираться стадом' (ССТМЯ-1, 1975: 461), эвенк. и др. *сэсин* 'табун' (ССТМЯ-2, 1977: 146). Перекрестные отсылки в ССТМЯ, явные варианты одной лексемы, восходящие к разным источникам, хотя эти источники пока не определяются.

Негидал. *ма:ки* 'шкура с головы медведя' (ССТМЯ-1, 1975: 522) сопоставимо с тюрк. *baş* 'голова', *başı* его голова; негидальское слово сравнимо с якут. *баһа* 'его голова' хотя конкретный тюркский язык-источник не определяется *hk* данным известных тюркских языков – он имел начальный *m*- и не имел перехода *ы > а* в местоимении 3 л. с притяжательным суффиксом, известному в якутском языке.

Якут. *куобах* 'заяц' явно не имеет отношение к общетюркскому названию зайца **quDan* (*куян*, *коян*, и т.п.) (Севортьян-6, 1974-2003, с. 29-31 - **койан*), продолжением которого, по фонетическим соответствиям (*δ ~ t*), является якут. *кутуйах* 'мышь'. Нанайск. *гормахон*, маньчж. *гулмахун* 'заяц', сохраняющие плавный, несмотря на редкость слова в тунгусо-маньчжурских языках, дают основания для реконструкции общеалтайской праформы для этого слова – тунг-ма **гурмахун* ~ тюрк. *куобах* по второму из трех приведенных правил (выпадение плавного и преобразование ауслаута). Маньчж. *узирхи* 'заяц' и *лэзирхи* 'заяц' – заимствования из какого-то исчезнувшего тюркского языка, в котором интердентальный *δ* изменился в **dz* или в *z*.

Тюрк. *idi* ~ *idi* 'хозяин, владелец, обладатель' и его проявления в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках

В словаре Э.В.Севортьяна он подается как гомогенный с тюркской лексемой *idi* хозяин, владедец, обладатель (ДТС, 1969: 203), *idi* 'господин (о боге)' (ДТС, 1969: 203), *ige* 'хозяин, дух, божество' (ДТС, 1969: 204), *ije* 'хозяин, господин (о боге)' (ДТС, 1969: 205) (см. Севортьян 1, 237-241 – с реконструкцией *ейе*). Здесь Э.В.Севортьян указывает на общепринятую монгольскую параллель к этому слову – монг. *ezen* 'господин, хозяин', а также 'дух-хозяин, божество'.

Для тюркского *idi* 'хозяин, владедец, обладатель' (ДТС, 1969: 216; Севортьян-1, 1969: 237-241 (с реконструкцией *ейе*); Менгес 1976) известна монгольская параллель – монг. *ezen* господин, хозяин, а также 'дух-хозяин, божество'.

Как можно полагать, этимологически тождественными этому слову являются следующие слова:

монг. *эдэн* 'вампир';

монг. *арцун* 'священный, святой, неприкосновенный'; *арцун аймаг түүх* 'святая земля (о Палестине)'; *арцун нандин* 'священный, святой, неприкосновенный, заветный, сокровенный, задушевный', тюрк. *arig* 'чистый', 'нравственно безупречный, чистый';

монг. *яндаг (jandag)* 'святой-пресвятой'. Судя по суффиксу, слово для монгольских языков выглядит как исконное, поствокальное *n* указывает на большую древность формы.

Тунгусо-маньчжурские проявления тюркского *idi* ~ *idi* довольно разнородны, но достаточно надёжны, и диапазон их значений в общем соответствует разным значениям тюркской лексемы:

эвенк. зап. *эксэри* 'бог', ороч. *эксукэн* 'дух леса, душа умершего человека' (ССТМЯ-2, 1977: 444);

Сол. эндური 'всевышний', нег., ороч. эндური 'бог-хозяин неба', ульч., нан. эндური 'бог', ма. эндური 'дух, высшее существо' (ССТМЯ-2, 1977: 453), сравнение с монг. *öndür* 'высокий' видимо ошибочно.

Два слова – названия высшего божества, а также духов-хозяев стихий (неба, леса) на тунгусо-маньчжурской почве явно несводимы, вместе с тем трудно предполагать их гетерогенность. Финальный компонент *-эри//ури*, вероятно, тот же, что и в тюркском и монгольском *tängri*, ср. др-тюрк. *tengäk* 'воздух, небо' (ДТС, 1969: 532), *tängri* 'небо', 'бог' (ДТС, 1969: 544), объясненное Б.И.Татаринцевым как *teng-äri* 'владыка неба' (Татаринцев 1984: 73-84).

Если наши предположения верны, данные примеры чрезвычайно важны и интересны для определения относительной хронологии фонетических и морфологических явлений в тюркских языках. Финальная часть этих форм показывает вполне сложившуюся посессивную парадигму с показателем 3 лица *-i/-i*, однако внутри слова сохраняется сочетание согласных или согласный *-ng-*, давший в разных языках разные рефлексy при заимствовании. Форма *эксэри* с согласным *с* очевидно, указывает на интердентальный согласный типа *δ* (а не на смычный *-d-*, как можно было бы полагать по форме *эндური*) в языке-источнике.

Имеются еще единичные проявления слова *idi* в его религиозно-культурных значениях:

нан. *амзиа* 'название божка – одного из шаманских духов' (ССТМЯ-1, 1975: 37);

ульч. *ундалау* 'название идола' (ССТМЯ-2, 1977: 273);

эвен. *эркэн* 'талисман' (ССТМЯ-2, 1977: 465): к семантике ср. эвен. *хэвкичэн* 'талисман', букв. 'божок'. Последняя форма, как и межгрупповая корреспонденция монг. *ариун* – тюрк. *арыг* содержит форму с *р* на месте интердентального *δ*. Заметим, что такие формы привлекали внимание специалистов значительно меньше, чем формы с соответствием *з ~ р*;

нан. *ага* 'название божка – покровителя охоты' (ССТМЯ-1, 1975: 11);

эвенк., нег. *оге:нга:* ульч. *оги:нга:* 'злой дух' (ССТМЯ-2, 1977: 5). Корреспонденции интердентального и заднеязычных согласных уже понятны.

Уд. *огзо* 'злой дух' (ССТМЯ-2, 1977: 5); лабиализация гласного *э* в удэгейском наблюдается часто, поствокальный *г* – одна из стадий утраты бывшего *н* или *нг*;

эвенк. *аринга* 'злой дух', эвен. *арин"ка*, нег. *айи* 'дух гор', нан. *ари* 'идол', ма. *ари* 'злой дух' (ССТМЯ-1, 1975: 51);

ма. *илзэхэдэо* 'дух-губитель' (ССТМЯ-1, 1975: 308). На фоне других лексем поствокальное *-л* может быть эпентетическим. Формы с *-р* ожидаемы для рефлексов *-δ-* в интервокальной позиции (в других позициях ротацизм невозможен).

Вероятно, еще одним фонетическим и семантическим вариантом того же корня являются и следующие слова:

ульч., нан. *энзэхэ* 'способность', ма. *энчэхэн* 'способность' (ССТМЯ-2, 1977: 454). Трудно считать эту лексему общетунгусоманьчжурской, поскольку и ульчская, и нанайская лексемы могут быть заимствованы из маньчжурского, однако наличие (т.е. сохранение поствокального *h*-) в данном случае весьма важно.

Потестарные социальные значения, не выделенные как самостоятельная семантическая единица у Э.В.Севортяна и подведенные под первое значение хозяин, (Севортян-1, 1974: 239), присутствуют в следующих тунгусо-маньчжурских лексемах, для которых можно предполагать тюркское происхождение:

эвенк. и др. *эди* 'муж' (ССТМЯ-2, 1975: 437). Примечательно, что форма *эдингкэму* 'муженек мой', встречается в эвенском эпосе, но не в обиходной речи. Форма *эзэн* 'хозяин', помещенная в одну статью ССТМЯ с формой *эди*, явно заимствована из монгольских языков;

ма. *эйгэн* 'муж' (ССТМЯ-2, 1977: 440). Эта форма не может считаться гомогенной на тунгусо-маньчжурском уровне с эвенк. *эди* и имеет какой-то иной источник. Возможно, это тот же язык, из которого заимствовано внешне похожее ма. *эйхэн* 'осел';

нег. *хэнтэ* 'хозяин медведя', ороч. *хэнтэ* 'человек, убивший медведя', уд. *хэнтэ* 'хозяин'. Непонятно наличие начального *х*- в тех языках, где его не должно быть ни таксономически (рефлекс **х*- или **к*' в южнотунгусских языках), ни тем более этимологически: в самом крайнем случае этот *х*-окажется ожидаемым рефлексом тюркского протетического *й*-;

эвенк. подкам.-тунг. *этэг* 'вождь военный' (ССТМЯ-2, 1977: 470). В последнем случае в толковании ошибка, у тунгусов военный вождь не являлся носителем власти в мирное время. Форма заимствована из языка, рефлекс *т* корня в котором ожидаемы для якутского языка ($\delta > t$).

Вероятно, дериватом от потестарной семантики этого же слова является следующее:

ма. *адунг'а*- 'притеснять, прижимать, угнетать, мучить, изнурять' (ССТМЯ-1, 1975: 16).

Еще одна группа проявлений – рефлексов того же тюркского корня приходится на названия хищных животных, вероятно, вследствие табуирования их именований и их замены потестарно маркированным социальным термином:

эвенк. *утингэ* 'волк' (ССТМЯ-2, 1977: 294);

ороч. *окс'а* 'волк' (ССТМЯ-2, 1977: 10);

эвенк. *е:дар* 'косатка', нег. *эдэн* 'косатка', ульч., орок. *эдэ(н)* 'косатка' (ССТМЯ-1, 1975: 289);

нег. *о:дан* 'косатка' (ССТМЯ-2, 1977, с.6);

эвен. *очэтэлкэн* 'косатка' (ССТМЯ-2, 1977: 30); (В приводимых примерах в ССТМЯ всюду «касатка», но понятно, что авторы ошиблись и речь идет о хищном морском млекопитающем). К семантике ср. ороч. *наму эзэни*, ульч. *наму эдэни* 'косатка' '(хозяин моря)' (ССТМЯ-1, 1975: 490). Диапазон отражений интердентального δ в языках –

реципиентах и языках – источниках не выходит за пределы ожидаемого и известного по фактам самих тюркских языков и заимствований из тюркских языков разных формаций в другие языки.

Уд., ульч., орок., нан. *ондо* ‘росомаха’ (ССТМЯ-2, 1977: 21); возможно, сюда же относятся и эвенк. *о:наки*: и эвен. *о:на:ки*: ‘росомаха’ (ССТМЯ-2, 1977: 18). На месте сев-тунг. -н- южн-тунг. -нд- реконструируется группа *-нр-, соответствующая согласному -р- в монгольских и тюркских языках: ср. эвенк. *ко:ннго:рин* ‘чёрный’ – монг. *хар*, тюрк. *qara* ‘чёрный’).

Предположительно сюда же относится подходящее по форме название выпя: эвенк. *очоки*, нег. *эчэхи* ‘выпь’ (ССТМЯ-2, 1977: 29).

Во всех случаях разброс форм слов с тождественной семантикой – волк, косатка, росомаха – указывает на заимствованный характер лексем, источник которых ранее не определялся.

Как отмечено у Э.В.Севортяна, у якутского *иччи*, признаваемого как закономерное отражение общетюркского *idi*, имеются еще два связанных друг с другом значения: «содержимое, сущность, внутренняя таинственная сила», «зародыш, тельце в яйце» (Севортян-1, 1974: 240).

Нег. *агди*, орок. *агда* ‘оболочка околоплодная’ (ССТМЯ-1, 1975: 13);

орок. *эсэрэй* ‘беременная’ (ССТМЯ-2, 1977: 468);

эвен. арм. диал. *укси* ‘беременная’ (ССТМЯ-2, 1977: 253);

орок. уси, ульч., нан., ма. *усэ* ‘семя’ (ССТМЯ-2, 1977: 290);

эвенк. *урул* ‘зародыш’ (ССТМЯ-2, 1977: 287: статья *уру* ‘родня’). Наблюдается парность ожидаемых для интердентального и ротацирующих проявлений интердентального.

За пределами тунгусо-маньчжурских языков лексема со значением хозяин, господин владыка зафиксирована в следующих примерах:

нивх. амурск. *ыс* ~ вост. сах. *ызнг* ‘хозяин’, ‘косатка (морское животное)’, *тол ыс* ‘морской хозяин’.

Легко заметна тождественность нивхских соответствий тюркскому интердентальному *δ* в виде *с* в амурском диалекте нивхского языка, но наличие *з* (вместо ожидаемого *р*) в форме *ызнг* восточносахалинского диалекта. Судя по всему, наличие разных гласных в нивхских словах (ср. *ес* ‘вещь’ и *ыс* ‘хозяин’) окончательно «добивает» исходную идею о тождественности корня этих слов в тюркских языках.

Чукотск. *этын*, мн.ч. *этынвыт* ‘хозяин (животного, собаки, оленя)’. Обращает на себя внимание прогнозируемый для якутского языка характер рефлекса интердентального *δ* в этом слове при отсутствии, однако, такой формы в якутском языке пока не найдено.

Теоретически возможно, что отражением этого же корня является чук. *эрым* ‘начальник, глава’, *эрмэчын* ‘силач, богатырь, глава, предводитель’ – для отождествления этих слов и других лексем с рассматриваемым тюркским корнем нет ни фонетических, ни морфологических препятствий.

Тюрк. *ed, eδ* 'вещь' и его возможные эквиваленты и варианты

Древнетюркский корень *ed, eδ* 'вещь, имущество, богатство' (ДТС, 1969: 162; с. 164), в реконструкции Э.В.Севортяна - *ИЙ-* (Севортян-1, 1974: 329-330) достаточно хорошо документирован. В словаре Э.В.Севортяна он подается как гомогенный с тюркской лексемой *idi* 'хозяин, владедец, обладатель' (ДТС, 1969: 203), *iDi* 'господин (о боге)' (ДТС, 1969: 203), *ige* 'хозяин дух, божество' (ДТС, 1969: 204), *iJe* 'хозяин, господин (о боге)' (ДТС, 1969: 205) (см. (Севортян-1, 1974: 237-241) – с реконструкцией *ЕЙЕ*). Как пишет автор, «С *ий-* гомогенно также турецкое диалектное *ez* 'хозяин', 'владелец'. Оно образует морфо-семантическое звено между рассматриваемой основой и *ейе, езе* и т.д. 'хозяин', 'владелец' (Севортян-1, 1974: 330); «семантически *ейе* гомогенно с *äδ* 'имущество, добро, благо'» (Севортян-1, 1974: 240).

Оба слова, как отмечено у Э.В.Севортяна, сопоставляются соответственно с монг. *ed* вещь, имущество (Севортян-1, 1974: 330) и с монг. *ezen* господин, хозяин (Севортян-1, 1974: 240).

Тезис о тождестве корней слов «имущество» и «хозяин, владедец», конечно, допустим с точки зрения какой-нибудь палеосемантики 80-летней давности. Однако первый вопрос, который тут хочется задать: почему тогда Э.В.Севортян дает разную огласовку для форм тюркских корней, которые он считает гомогенными? Какие-либо доказательства общего происхождения этих форм отсутствуют, как для тюркских, так и для монгольских фактов. Для тюркских примеров необъяснима производность формы *iDi* в сравнении с *eδ*, для монгольских – наличие согласного *z* вместо *d* в середине слова перед гласным *e*, который не восходит к *i* (формы с *i* во втором слоге не засвидетельствованы для монгольских языков). Предположение о том, что обе монгольские формы имеют тюркское происхождение, было бы вполне корректным, но оно не покрывает всего множества фактов, связываемых с рассматриваемыми тюркскими лексемами.

В монгольских языках выявляется целый ряд слов со значением «имущество»: ср.:

- 1) *агуурс* 'вещи, имущество, пожитки, скарб, достояние'; *эд агуурс* 'вещи, имущество, пожитки, скарб';
- 2) *адал*: *адал мал* 'скот, стадо; имущество (как собственность)';
- 3) *зэслэг* 'имущество, ресурсы, все, что необходимо для удовлетворения потребностей';
- 4) *уурс* 'имущество; утварь; вещи, пожитки, скарб, достояние; *эд уурс* хорш. имущество; утварь, пожитки'.

Первая форма *агуурс*, давшая даже парное слово с тождественными по семантике компонентами, возводима к *ag-* одной из возможных модификаций тюркского корня *eδ* с перегласовкой и переходом интердентального $\delta > g$ (возможно, через стадию *j* или через стадию $z \sim s$). Правая часть – суффиксальные элементы – содержит показатель множественности. Форма *УУРС* является какой-то модификацией этой же самой формы, в которой заднеязычный интервокальный $-y-$ подвергся контракции.

Вторая форма демонстрирует нам перегласовку корня по заднему сингармоническому ряду даже без изменений согласного. Компонент *-ал* может представлять собой собирательный суффикс – обращаем внимание на его материальное совпадение с показателем множественного числа в тунгусо-маньчжурских языках *-л*.

Третья форма, в правой части которой находится суффикс вторичной субстантивации -*лэг*, по законам исторической фонетики тюркских языков, выводима из формы ***jed* с известными переходами *j>ʒ* и *D> z~s*, хотя у Э.В.Севортяна наличие протетического *j*- в начале слова предполагается только для корня *ейе* (Севортян-1, 1974: 238).

В свете наших наблюдений логичным будет предположение, что из монгольских названий вещь, имущество, из тюркских языков заимствована не только форма *эд ~ ed*, но и другие формы, *АГУУРС, АДАЛ, ЗЭСЛЭГ*. Хотя заимствованный характер этих форм не столь очевиден, поскольку они, возможно, восходят к каким-то ныне не существующим тюркским языкам.

Примеры, аналогичные наблюдаемым нами монгольским проявлениям тюркского *ед* 'вещь, имущество', имеются и в тунгусо-маньчжурских языках:

1) эвенк. *эт* 'товар', сол. *эдэ* 'вещь, имущество' (ССТМЯ-2, 1975: 469) – при солонской форме стоит помета <*мо*. Но форм с конечным гласным в монгольских языках нет. Форма *эт* 'товар' заимствована из монгольского языка, или из языка, близкого к якутскому;

2) эвенк. *ати* 'товар' (ССТМЯ-1, 1975: 58) < якут. *атыы*. Очевидное якутское заимствование определяется по перегласовке слова по заднему сингармоническому ряду;

3) эвенк. *идэгэ*: 'вещь, предмет, скарб, деньги' (ССТМЯ-1, 1975: 298). Форма аналогична тюркским образованиям *едгю, ейги*, приводимым Э.В.Севортяном (Севортян-1, 1974: 329), но более архаична, т.к. сохраняет срединный гласный;

4) эвенк. *аннга*: 'предмет, вещь, утварь, одежда' (ССТМЯ-1, 1975: 43). Переход огласовки в заднерядную наблюдается во множестве проявлений данного корня в монгольских и в тунгусо-маньчжурских языках. На месте заднеязычного, видимо, находился согласный *g < δ*;

5) эвенк. *учарук* 'коробка берестяная женская' (ССТМЯ-2, 1977: 296): образование с тунгусским суффиксом вместилищ *-рук* от основы *уча-* с лабиализацией начального гласного и согласным *-ч-* на месте интердентального (не менее шести случаев таких рефлексов интердентального замечено в маньчжурском – *хучин* 'колодец', *гэчулэхэ* 'одежда' и др.);

6) эвенк. *ирги-* 'вскормить' (<**идги-*) ~ ульч. *узи(н)* 'хозяйство, скот', орок. *узи(н)* 'скот', нан. *узи(н)* 'скот', ма. *узин* 'домашний (о рабе, животном)' (ССТМЯ-1, 1975: 325-326);

7) ма. *хэтхэ* 'имущество' (ССТМЯ-1, 1975: 483). Начальный согласный, вероятно, протетический: история изолированных форм с начальным *х-* в маньчжурском не вполне ясна. Возможно, это протеза перед слогом со спирантом);

8) орок. *ойоско* 'вещь, имущество, инвентарь' (ССТМЯ-2, 1977: 9).

С меньшей степенью достоверности к проявлениям того же тюркского слова в тунгусо-маньчжурских языках можно отнести следующие тунгусо-маньчжурские лексемы:

9) нег., орок., уд., ульч., нан., ма. *ото(н)* 'посуда деревянная, блюдо, корыто' (ССТМЯ-2, 1977: 28);

10) эвенк. *усэ* 'оружие' (ССТМЯ-2, 1977: 292);

Слова с семантикой «посуда» и «оружие» – разные гипонимы к слову со значением «имущество». Характерная особенность сопоставления рассматриваемого материала, как и во многих других проявлениях тюркских лексем, имеющих разные источники, в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках – полное отсутствие каких-либо морфологических трудностей.

В качестве тунгусо-маньчжурского архетипа, позволяющего видеть в тюркском *ed* 'имущество, вещь' общеалтайский корень, очевидно, выступает ульч. *анзу-и-* 'делать, строить', орок. *анду* 'изделие, вещь' (ССТМЯ-1, 1975: 43), в которой присутствует преконсонантный *-н-*, что и позволяет считать данные лексемы более архаичными по форме, нежели односложные формы и двусложные формы с одним инлаутным согласным.

Любопытно, что данный корень присутствует и в нивхском языке. Ср. нивх. *ес*, вост.-сах. *верш* «товар». Междиалектные соответствия амурск. *с* ~ вост.-сах. *рш* появились на собственно нивхской почве при распаде нивхского языка на амурский и восточносахалинский диалекты. Интересно, что источником нивхской формы *с* (в нивхском фонологически в ряду среднеязычных) едва ли могла быть форма с переднеязычным *д* (как в монгольском) – скорее всего, нивхское *ес* «товар» заимствовано из какого-то иного тюркского языка, нежели монгольское *ed* «вещь». Исконность этих слов для нивхского языка сомнительна, даже если признавать его алтайскую природу и особую связь с тунгусо-маньчжурскими языками до родства на уровне группы.

Негидал. *ма:ки* 'шкура с головы медведя' сопоставимо с тюрк. *bař* 'голова', *baři* его голова; негидальское слово сравнимо с якут. *баһа* 'его голова' хотя конкретный тюркский язык-источник не определяется – он имел начальный *м-* и не имел перехода *ы > а* в местоимении 3 л. и притяжательных суффиксах, известному в якутском языке.

Якут. *куобах* 'заяц' явно не имеет отношение к общетюркскому названию зайца **quDan* (*куая*, *коян*, и т.п.), продолжением которого, по фонетическим соответствиям (*D ~ t*), является якут. *кутуйах* 'мышь'.

Однако *нанайск.* *гормахон*, маньчж. *гулмахун* 'заяц', сохраняющие плавный, несмотря на редкость слова в тунгусо-маньчжурских языках, дают основания для реконструкции общеалтайской праформы для этого слова: тунг-ма. *гормахон* ~ тюрк. *куобах* по второму из трех приведенных правил (выпадение плавного и преобразование ауслата). Маньчж. *узирхи* 'заяц' и *лэзирхи* 'заяц' – похоже, заимствования из какого-то исчезнувшего тюркского языка.

Тюрк. *кед-* надевать, *кедгү* 'одежда' и его проявления в тунгусо-маньчжурских языках

Среди рассматриваемого материала данный корень и производные от него лексические единицы представляют особый интерес тем, что в тунгусо-маньчжурских примерах могут встретиться и тунгусо-маньчжурские образования от заимствованного корня, так и заимствованные производные единицы.

Словообразовательное гнездо глагола *кед-* в тюркских языках включает следующие формы:

kedim 'одежда, одеяние' (ДТС, 1969: 293), *kedgü* 'одежда, одеяние' (ДТС, 1969: 294), *keđim* 'одежда, одеяние', (ДТС, 1969: 294), *keđüt* 'халат, одежда, приносимая в качестве дара' (ДТС, 1969: 313), *kejim* 'одежда' (ДТС, 1969: 295), *kejük* 'плащ, накидка из войлока' (ДТС, 1969, 295), *ked-* 'надевать' (ДТС, 1969: 292), *кед-* 'надевать' (ДТС, 1969: 294), *kej-* 'одевать, надевать' (ДТС, 1969: 294), *ket-* 'одеваться' (ДТС, 1969: 303). Э.В.Севортыян принимает за единицу описания глагол *гей-* 'одеваться', и отмечает производные на *-im* и *-gü* (Севортыян-3: 1974-2003: 12-14).

Проявлениями этих форм, заимствованными в тунгусо-маньчжурские языки различных образований *ри* данного глагола с разными значениями, представляются следующие формы:

ороч. *качун* 'одежда', ульч. *качуй*, нан. *качой*, *качуи* 'одежда', ма. *качики* 'шуба (ветхая)' (ССТМЯ-1, 1975: 386). Во всех этих случаях имеется в виду одежда из кожи или звериной шкуры. Рефлекс интердентального в виде *-ч-* типа ма. *хучин* 'колодец' необычен (не представлен ни в письменных памятниках, ни в известных тюркских языках: прослеживается только в старых заимствованиях из тюркских языков), но вполне ожидаем;

эвенк. *кунгу* 'одежда мужская меховая', эвен. *кө:нзэкэ* 'одежда женская', нег. *кэнгэ* 'одежда мужская верхняя', нан. *кунгу* 'куртка из лосиной кожи' (ССТМЯ-1, 1975: 433);

эвенк. *кунэ* 'одежда, меховая', эвен. *көбзэ*, *кэбзэ* 'одежда меховая глухая', орок. *кополи* 'комбинезон детский' (ССТМЯ-1, 1975: 434);

нан. *курмэ* 'одежда верхняя короткая из кожи', ма. *курумэ* 'одежда верхняя до колен, полукафтан' ~ п.-монг. *күрте* 'куртка', монг. *хурэм* 'куртка' (ССТМЯ 1, 437);

эвенк. *ногилма* 'одежда мехом наружу', 'парка, шуба' (ССТМЯ-2, 1977: 329);

эвенк. *гунгу* 'название одежды женской верхней' (ССТМЯ-1, 1975: 173);

ма. *гэчухэри* 'название ткани', *гэчухэри* 'одежда шелковая, парадная', чж. *гэчулэхэ* 'одежда парадная' (букв. то, что надевается, то, что надето) (ССТМЯ-1, 1975: 183);

ма. *сизиган* 'халат, кафтан' (ССТМЯ-2, 1977: 79);

ма. *этуху аду* 'платье одежда' (ССТМЯ-2, 1977: 469) (формы из разных тюркских языков);

ма. *этуку* 'одежда', ма. *босо этуку* 'холщовое платье' (ССТМЯ-1, 1975: 78), ма. *гун этуку* 'платье' (ССТМЯ-1, 1975: 172) и др.;

эвенк. *эгдэкэ* 'одежда верхняя' (ССТМЯ-2, 1977: 437);

эвенк. *утэмэ* 'одежда женская, кафтан', ульч. *утэсу* 'халат женский', орок. *уттэури* 'женский халат из рыбьей кожи', нан. *утэсу:* 'женский халат из рыбьей кожи' (ССТМЯ-2, 1977: 295);

Ма. *эргумэ* 'платье, придворное' (ССТМЯ-2, 1977: 462);

Эвен. *этик* 'одежда', ма. *этуку* 'одежда', *этуку аду* 'одежда, платье' (ССТМЯ-2, 1977: 469);

Ма. *один дэлэри* 'платье женское верхнее без рукавов' (ССТМЯ-2, 1977: 7).

Только такие формы, как эвенк. *купэ* 'одежда меховая', эвен. *көбзэ-кэбзэ* 'одежда меховая глухая', орок. *копом* 'комбинезон детский' (ССТМЯ-1, 1975: 434) в корреляции с п.-мо. *xibcasun*, монг. *хувцас* 'одежда' дает основания для реконструкции общеалтайской праформы, по показаниям монгольского примера, сохраняющей преконсонантный *b*. Остальные формы выглядят как заимствования из разных тюркских языков, как проявления разных рефлексов тюркской лексемы с вариантами отражениями интердентального *ð*, закономерно отсутствующим преконсонантным элементом (в данном случае *-b-* и в большинстве примеров – с суффиксом отглагольных имен *-к, -ку* ~ тюрк. *gu /gü*).

Сделанные наблюдения означают следующее:

во-первых, в монгольских и в тунгусо-маньчжурских языках при помощи методики поиска потенциальных тюркизмов, основанной на перспективных проявлениях нетривиальных соответствий тюркских согласных (в перспективе сюда возможно привлечь чувашские рефлексы общетюркских гласных), обнаруживается около 200, если не более, весьма ранних тюркских заимствований. Эти заимствования не были идентифицированы ранее при ограниченном использовании данных сравнительно-исторической фонетики тюркских языков в исследовании тюрко-монгольских и тюрко-тунгусо-маньчжурских связей. Примененная методика вскрывает в заметном количестве интересный материал по ранним заимствованиям из ныне неизвестных тюркских языков в монгольские языки.

Во-вторых, вовлечение этого материала в круг исследования проблем сравнительно-исторической фонетики и лексики открывает нам следующие перспективы. По нашим данным, основанным на анализе никогда не контактировавших эвенского и маньчжурского языков, это граница конца II-начала I тысячелетия до н.э., т.е. примерно 3000 лет назад (Бурыкин 1988). Если по относительной хронологии, т.е. по соотношению возможного времени появления такой массы тюркизмов в тунгусо-маньчжурских языках с датами дивергенции тунгусо-маньчжурской группы языков, доступная нам ныне для наблюдения история тюркских языков может быть по данным таких заимствований удревнена на 1700 лет по сравнению с письменными памятниками и может уходить к началу 1 тыс. до н.э.

В-третьих, ареал распространения отдельных лексем тюркского происхождения в тунгусо-маньчжурских языках, из состава которых исключаются позднейшие якутские заимствования, не имеющие широкого распространения, показывает нам такую картину. Тунгусские народы, мигрировавшие со Среднего Амура на восток в 1 тыс. до н.э. и на север в 1 тыс. н.э., (уже после отделения маньчжурского языка) ассимилировали в этих местах огромную тюркоязычную провинцию. Обитатели которой говорили на тюркских языках, по ряду признаков близких к современному якутскому языку, что является вполне ожидаемым. Численность тюркских языков, ассимилированных тунгусо-маньчжурами и отдельными группами тунгусских народов, по данным вариантов рефлексов отдельных согласных в ранних тюркизмах тунгусо-маньчжурских и монгольских языков и комбинаций этих рефлексов в отдельных словах (имеются в виду начальные *j-, ч-, с*, и интервокальные *-з-, -ш-, *-ð-, -ч- -с-*), приближается к 30 и, возможно, превосходит эту цифру. Лингвогеографическое изучение отдельных слов,

представляющих древние тюркизмы тунгусо-маньчжурских языков, в их распределении по отдельным языкам-реципиентам, открывает перспективы для определения территорий распространения отдельных тюркских языков, ныне полностью исчезнувших. Проработанные материалы дают новый, объемный и весьма репрезентативный материал для решения одной из важнейших проблем алтаистики – проблемы ротацизма и ламбдаизма: становится очевидным, что формы с *-p-* и *-l-*, во-первых, являются позднейшими, а реконструкции их архетипов как сочетаний фонем или как отдельных фонем – разнообразными, во-вторых, они появляются только в тюркских языках древнечувашского типа (булгарской группы) и в исчезнувших тюркских языках, близких к ним в генетическом или в структурном отношении, что касается механизмов фонологических изменений, приводящих к появлению плавных на месте шумных или кластеров. Таким образом, монгольские слова с ротацизмом и ламбдаизмом, как и предполагалось, являются тюркизмами, и то же самое надо сказать в отношении аналогичных слов тунгусо-маньчжурских языков. Показательно, что наше исследование повсеместно вскрывает для отдельных слов дублиеты с ротацизмом и в гораздо большем объеме – без ротацизма (от обсуждения генезиса ламбдаизма и формирующих его соответствий согласных и их сочетаний мы пока воздержимся).

В-четвертых, данная перспектива достижима и достигнута только в рамках и доказанного общеалтайского единства и предлагаемой автором общеалтайской реконструкции, в которой тюркские языки являются «новейшими», наиболее измененными, что как раз и позволяет с максимальной эффективностью изучать их историю при помощи анализа фонемной структуры слова. Общеалтайская реконструкция становится также тем инструментом, который позволяет отграничивать исконную лексику от разновременных и разнонаправленных заимствований и более точно определять направления заимствований, чем это делалось ранее.

В-пятых, единственной из реконструкций пратюркского состояния, способной выжить под давлением новых фактов, оказывается общепринятая ныне общетюркская реконструкция, представленная в работах Б.А.Серебренникова (Серебренников, Гаджиева 1976) и Э.Р.Тенишева (Сравнительная грамматика 1984). Все «контралтаистические» соображения на тюркском материале не только оказываются лишенными перспективы, но и терпят очевидный крах, поскольку наблюдаемые сопоставления, неоспоримые сами по себе по причине их представленности в материале, оказываются вне объяснения. Фонологические, диахронико-фонологические истолкования почти всех фактов, которые выявлены нами и которые еще могут быть выявлены, основываются исключительно на признании генетического родства тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, которое к тому же выглядит не весьма отдаленным, как казалось ранее, а довольно близким, похожим на родство германских языков – немецкого, голландского и английского. При этом сравнении монгольские языки похожи на немецкий, тунгусо-маньчжурские – на голландский, а тюркские – на английский язык.

Настоящие заметки имеют несколько целей, и главной из них вовсе не является то, что обычно лежит на поверхности – умножение числа лексических параллелей между монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками и, разумеется, не обоснование ареальных связей между тунгусо-маньчжурскими и монгольскими языками. Во-первых, давно надо было попытаться объяснить странные и не вполне регулярные фонетические

корреспонденции в отдельных словах, явно не связанные с внутренней историей тех языков, для которых эти корреспонденции прослеживаются, но такие корреспонденции, которые имеют прямые аналогии в языках соседних групп, родственных на общеалтайском уровне.

Во-вторых, представлялось необходимым предложить и оформить гипотезу, согласно которой многочисленные «похожие» слова в тунгусо-маньчжурских и, отчасти, в монгольских и тюркских языках, не укладывающиеся в групповые фонетические соответствия, и не отвечающие статусу заимствований из известных языков, представляют собой старые заимствования. Они не вписываются в традиционные представления об ареальных связях тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, а также предложить этимологии тунгусо-маньчжурских слов-изолятов, являющихся диалектизмами или дублетами в отдельных языках.

Третья цель, тесно связанная со второй: определить корпус лексики, которая определено не является общетунгусо-маньчжурской по происхождению и которая составляет альтернативные наименования объектов, обозначаемые явно общетунгусо-маньчжурскими или общетунгусскими лексемами. Этот же фрагмент лексики может рассматриваться как продукт влияния исчезнувших ныне монгольских или тюркских языков на тунгусо-маньчжурские языки и их лексический фонд. Подобная же задача – выявление заимствований из исчезнувших языков соседних групп – оказывается актуальной и для изучения лексики монгольских и тюркских языков, на что указывают в том числе и рассматриваемые ниже примеры. По материалам ранних заимствований из тюркских языков ранней формации можно, как думается, составить представление о внешнем виде и количестве ныне не существующих тюркских языков и диалектов, точнее – пратюркских диалектов, участвовавших в контактах с языками других групп.

Четвертая цель работы, не обозначаемая, но достигнутая – подтвердить адекватность общеалтайской реконструкции и показать, что без предлагаемого нами варианта общеалтайской реконструкции объяснение отдельных фактов истории тюркских языков невозможно в принципе – оно всегда выглядело и выглядит либо как необъяснимый авторский императив, либо как гадание на кофейной гуще.

Итоги проделанной работы в их перспективе для сравнительно-исторической тюркологии можно оценить следующим образом:

- 1) территория, ныне занятая тунгусо-маньчжурскими языками, хранит следы прототюркского субстрата, элементы которого вошли в отдельные тунгусо-маньчжурские языки и в монгольские языки, и который соответствует состоянию тюркских языков на момент разделения тунгусских языков на разные группы и подгруппы – с начала 1. Вск/ до н.э. до середины 1 тыс. н.э.;
- 2) хронология древнейших тунгусо-маньчжуро-тюркских контактов связана с датировкой времени распада общетунгусо-маньчжурского праязыка – по нашим данным, это начало 1 тыс. до н.э.;
- 3) количество неизвестных ныне тюркских языков, заимствования из которых выявляются в тунгусо-маньчжурских языках, вычисляемое по рефлексам согласных *δ*, *z*, *ʒ*, *s* и с их возможным комбинациям, определяется в интервале между 25 и 30 и более

языками. Таким образом, хронология прототюркского состояния, с чертами, качественно отличными от черт других алтайских языков, уходит вглубь от времени появления первых памятников тюркской письменности на 1700 лет.

Самый главный результат работы – то, что предложенная общеалтайская реконструкция в одном из ее обновленных вариантов и сама алтайская теория выдержали проверку построений на материале заимствований и существенно обогатили самые перспективы изучения взаимных заимствований в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках.

Литература

Бурыкин, А. А. (1986). Тюркский зетацизм-ротацизм, тюркско-нивхские лексические параллели и некоторые проблемы сравнительно-исторической фонетики алтайских языков. *Лингвистические исследования. Социальное и системное на различных уровнях языка*. Москва, с. 30-37.

Бурыкин, А. А. (1988). Тунгусо-маньчжуро-нивхские связи и проблема генетической принадлежности нивхского языка. *Вопросы лексики и синтаксиса языков народов Крайнего Севера*. Межвузовский сборник научных трудов. Л., с. 136-150.

Бурыкин, А. А. (1999). Роль монгольских языков для алтаистических исследований. *История развития монгольских языков*. Улан-Удэ, с.19-42.

Бурыкин, А.А. (2000). Из сравнительно-исторического словообразования в алтайских языках: монгольский суффикс -bcі (калм. -вч) и его эквиваленты в тунгусо-маньчжурских, тюркских и корейском языках. *Владимирцовские чтения IV. Доклады и тезисы Всероссийской научной конференции* (Москва, 15 февраля 2000 г.). Москва, с.16-20.

Бурыкин, А. А. (2003). Некоторые замечания к проблеме тюркских заимствований в тунгусо-маньчжурских языках и их значении для сравнительно-исторической тюркологии и алтаистики. *Altaica VIII*. Москва: ИВ РАН, с. 38-48.

Бурыкин, А. А. (2005). Тюркские согласные *z, *š, *δ в свете алтаистики: новые интерпретации. *Алтайские языки и восточная филология*. Памяти Э. Р.Тенишева. Москва: Вост. лит. с. 96-106.

Бурыкин, А. А. (2014). О взаимном соотношении отдельных групп алтайских языков и об относительном объеме изменений в отдельных группах алтайских языков: «древние», «новые», и «новейшие» алтайские языки. *Вестник угроведения*. № 4 (19). с. 21-33.

Бурыкин, А. А. (2015а). Заметки на полях книги В.Котвича «Исследование по алтайским языкам»: к истории алтаистики и методике сравнительно-исторических исследований в алтаистике. *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований РАН. Отв. ред. Н. Н.Казанский. Т.ХI. Ч.2. (Сост. и ред. тома П.О.Рыкин. СПб.): Наука, с.128-149.

Бурыкин, А. А. (2015b). Методы сравнительно-исторического языкознания, алтайская теория и тюрко-монгольские языковые связи (Реплика на статью В. И. Рассадина). *Урало-алтайские исследования*. № 4(19). с. 93-105.

Бурыкин, А. А., Насилов Д.М. (2018). Б.А. Серебренников как тюрколог-компаративист и проблемы алтаистики. *Теоретическая и прикладная лингвистика*, № 3. с. 5-18.

Владимирцов, Б. Я. (1911). *Турецкие элементы в монгольском языке*, СПб: Тип. Имп. Академии Наук, с. 30. (Записки Вост. отд. Имп. Рус. Археологического Общества, осн. бароном В. Р. Розеном. Т. XX. Вып. II–III).

Гамкрелидзе, Т. В., Иванов В. В. (1984). *Индоевропейский язык и индоевропейцы*, Т.1-2. Тбилиси: Изд-во ТГУ.

Герценберг, Л. Г. (2010). *Краткое введение в индоевропеистику*, СПб., Нестор-история, с. 316.

Дёрфер, Г. (1972). Можно ли проблему родства алтайских языков разрешить с позиций индоевропеистики? *Вопросы языкознания*. № 3. с. 50-66.

Дёрфер, Г. (1981). Базисная лексика и алтайская проблема. *Вопросы языкознания*. № 4, с. 35-44.

Дыбо, А. В. (1996). *Семантическая реконструкция в алтайской этимологии*. Москва: Институт языкознания РАН, с. 385.

Дыбо, А.В. (2007). *Лингвистические контакты ранних тюрков*. М.: Восточная литература, с. 222.

Иллич-Свитыч, В. М. (1971). *Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский)*. Введение. *Сравнительный словарь (b–K)* (Под редакцией и с вступительной статьей В. А. Дыбо.) Москва: Наука, с. 412.

Котвич, В. (1962). *Исследование по алтайским языкам*, Москва: Изд-во иностр. лит., с. 371.

Красухин, К.Г. (2004). *Введение в индоевропейское языкознание*, Москва: Академия, с. 320.

Мейе А. (1938). *Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков*, Москва, Ленинграда: Государственное социально-экономическое издательство, с. 512.

Малов, С. Е. (1952). Древние и новые тюркские языки. *Известия АН СССР*. Отделение литературы и языка. Т. XI. Вып. 2. Москва, с. 135-143.

Менгес, К. Г. (1976). Тюркское *idi* "господин", некоторые его рефлексy в тюркских языках и параллели в других языковых семьях. *Turcologica*. Ленинград, с. 101-110.

Мудрак, О. А. (2009). *Классификация тюркских языков и диалектов с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетике* (Серия «Orientalia и Classica». Вып.23). Москва: РГГУ. с. 186.

Рассадин, В. И. (2007). *Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. I. Тюркское влияние на лексику монгольских языков*, Элиста: КГУ. с. 165.

Рассадин, В. И. (2008). *Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. II. Монгольское влияние на лексику тюркских языков*. Элиста: КГУ. с. 243.

Савченко, А. Н. (1974). *Сравнительная грамматика индоевропейских языков*, Москва: Высшая школа. с. 412.

Севортян, Э. В. (1974-2003). *Этимологический словарь тюркских языков*, В 7 т. Москва: Наука, Восточная литература.

- Слепцов, П. А. (2009). О словах куох, тангара, халлан в якутском языке. *Урало-алтайские исследования*. № 1. с. 92-94
- Семереньи, О. (1980). *Введение в сравнительное языкознание*. Москва, 2-е изд.
- Серебрянников, Б. А. Отв. ред. Б.А.Серебрянников (1982). Проблема достаточности основания в гипотезах, касающихся генетического родства языков. *Теоретические основы классификации языков мира. проблемы родства*. Москва: Наука, с. 6-62.
- Серебрянников, Б. А. (1988). Критерии выделения алтайской языковой общности. *Проблемы монгольского языкознания*. Новосибирск: Наука. с. 33-41.
- Серебрянников, Б. А., Гаджиева Н.З. (1986). *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков*, Москва: Наука. с. 304.
- Тенишев, Э. Р. (Отв. ред.) (1984). *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика*. Москва: Наука, с. 488.
- Цинциус, В.И. (Под ред.) (1977). *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков*. Т. 1. Ленинград: Наука, 1975. 673 с. Т. 2. Ленинград: Наука. с. 922.
- Старостин, С. А. (1991). *Алтайская проблема и происхождение японского языка*. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, с. 296.
- Татаринцев, Б. И. (1984). О происхождении тюркского наименования неба (täŋri и его соответствия). *Советская тюркология*. № 4. с. 73-84.
- Тодаева, Б. Х. (1986). *Дагурский язык*. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, с. 189.
- Цинциус, В. И. (ред.) (1984). *Алтайские этимологии*. Ленинград: Наука.
- Щербак, А.М. (1970). *Сравнительная фонетика тюркских языков*, Ленинград: Наука, с. 204.
- Щербак, А. М. (1997). *Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII-XIV вв.)*. СПб.: ИЛИ РАН, с. 291.
- Щербак, А. М. (2005). *Тюрко-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков*. СПб: Наука, с. 195.
- Poppe, N. N. (1955). The Turkic loanwords in Middle Mongolian. *Central Asiatic Journal*, 1, с. 36-42.
- Poppe, N. N. (1966). On some Ancient Mongolian loan-words in Tungus. *Central Asiatic Journal*, 11, с.187-198.
- Poppe, Nicholas. *Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen: Teil 1:Vergleichende Lautlehre*. (Porta linguarum orientalium: N.S., 4.) Wiesbaden: Harrassowitz. IX+ с. 188.
- Ramstedt, G. J. (1952). *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*. Volumes I and II. Suomalais-Ugrilainen Seura (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia, 104:1-2). Volume I. Lautlehre, Helsinki, 1957. 192 p. Volume II. Formenlehre, Helsinki, с. 262.
- Starostin, S., Dybo A., Mudrak O. (with assistance of Ilya Gruntov and Vladimir Glumov) (2003). *Etymological Dictionary of the Altaic Languages*. Brill Academic Publishers. ISBN 90-04-13153-1

Part One (A-K), Part Two (L-Z), Part Three (Indices), Leiden-Boston: Brill, (Handbook of Oriental Studies / Handbuch der Orientalistik 8/1-3).

Условные сокращения

Алт. – алтайский (ойротский), бур. – бурятский, др.-тюрк. – древне-тюркский, калм. – калмыцкий, кит. – китайский, корейск. – корейский, ма. – маньчжурский, мо. – монгольский, нан. – нанайский, нег. – негидальский, общетюрк. – общетюркский, орок. – орокский, орооч. – ороочский, п.-мо. – письменно-монгольский, сол. – солонский, т. ма. – тунгусо-маньчжурский, тат. – татарский, тюрк. – тюркский, тув. – тувинский, уд. – удэгейский, ульч. – ульчский, чж. – чжурчженский, чуваш. – чувашский, эвенк. диал. – эвенкийский диалектный, эвен. диал. – эвенский диалектный, якут. – якутский.

Библиографические сокращения

БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х томах. Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 1. А–Г. 520 с.; Т. 2. Д–О. 536 с.; Т. 3. Ө–Ф. 440 с. Москва: Academia, 2001.; Т. 4. Х–Я. 532 с. Москва: Academia, 2002.

ДТС – Древнетюркский словарь. Ред. В.М. Надеяев, Д.М. Насилов, Э.Р.Тенишев, А.М. Щербак. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1969. 677 с.

ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / отв. ред. В.И. Цинциус. Т. 1. Ленинград: Наука, 1975. 673 с.; Т. 2 Ленинград: Наука, 1977. 992 с.